ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ЮЛ. СИМАШКО.

1872 годъ. № 8. Октябрь.

Прав. 50

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ № 99.
1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1872 г.

ЗНАХАРКА.

На краю села избушка,
Покачнувшися, стоитъ;
Въ ней горбатая старушка
Зелья всякія варитъ.
И слывётъ она знахàркой,
Всѣ съ почтеньемъ къ ней идутъ;
Деревенскіе подарки,
Въ поясъ кланяясь, несутъ.
Кто бѣднѣй—яицъ десятокъ,
Кто богаче—коровай,
Иль откормленныхъ цыплятокъ—
Прямо къ бабушкѣ въ сарай!
Пропадетъ-ли что, случится,
Лошадей-ли уведутъ,
Иль бѣда съ кѣмъ приключится—
Всѣ къ горбатенькой бѣгутъ.
Вотъ въ убогую свѣтлицу
Вечеркомъ разъ забрела
Непригожая дѣвица.
Проситъ бабушку она:
— «Сдѣлай ты меня красоткой,
«Чтобъ, какъ розанъ, я цвѣла,
«Чтобъ во всёмъ-то околоткѣ
«Я пригожествомъ слыла!

«Въ хороводахъ-ли, въ горѣлкахъ,
«Пусть завидуютъ всѣ мнѣ, —
«И на зимнихъ посидѣлкахъ
«Пусть всѣ ластятся ко мнѣ».
— «Ладно, сдѣлаю, что просишь, —
Ей старухинъ былъ отвѣтъ, —
«Коль красавицей быть хочешь,
«Такъ на то препятствій нѣтъ.
«Завтра встань передъ разсвѣтомъ,
«Да умойся-ка росой.
«Не запамятуй—при этомъ
«Надо быть тебѣ босой».

Годъ прошолъ. Опять къ старушкѣ
Раскрасавица идетъ;
Положивъ на столъ ватрушки,
Рѣчь такую ей ведетъ:
— «Я пригожа и красива,
«Расцвѣла, какъ маковъ цвѣтъ;
«И была-бы я счастлива,
«Да нарядовъ пышныхъ нѣтъ.
«Дай мнѣ шубки парчевыя,
«Дай мнѣ бархатъ и атласъ,
«Кольца, серьги дорогія,
«И бѣлья большой запасъ.
«Какъ прознаютъ, что богата—
«Женихи-то всѣ толпой
«Засылать мнѣ станутъ сватовъ,
«Да ухаживать за мной.
«Часто слышу, какъ красоткой
«Всѣ меня кругомъ зовутъ,
«Да вѣдь это не находка,
«Коли замужъ не берутъ.
«Все работаю я въ полѣ,
«Не покладывая рукъ,
«Мало отдыха, нѣтъ воли,
«И гулять мнѣ недосугъ».
— «Ладно, сдѣлаю, что просишь, —

Ей старухинъ былъ отвѣтъ, —
«Коль богатою быть хочешь,
«Такъ на то препятствій нѣтъ.
«Ты возьми вотъ эту травку,
«И тихонько, до зари,
«Положи ее подъ лавку,
«Да ни съ кѣмъ не говори».

Черезъ годъ опять къ знахàркѣ
Недовольная идетъ,
И богатые подарки
Передъ ней на столъ кладетъ.
— «Помоги благимъ совѣтомъ:
«Богъ мнѣ счастья не даётъ!»
И сама рѣкой при этомъ
Слезы горестныя льётъ.
«Что въ томъ проку, что красивѣй,
«Что богаче я теперь?
«Прежде я была счастливѣй—
«Въ томъ мнѣ, бабушка, повѣрь.
«Сжалься, добрая, дай счастья!
«Стало жить невмоготу:
«За него отдамъ запястья,
«Всѣ богатства, красоту!»

Сокрушонно покачала
Тутъ старуха головой
И печально ей сказала:
— «Что-же дѣлать мнѣ съ тобой?
«Счастья дать тебѣ не властна.
«На него не ворожу
«Я безъ пользы, понапрасну; —
«А прислушай, что скажу:
«Счастье Богомъ лишь даётся—
«Кто съумѣетъ взять его.
«Хорошо тому живётся,
«Кто не ищетъ ничего,
«Кто чужого не желаетъ,

«(А желаньямъ мѣры нѣтъ!)
«Оттого-то и бываетъ
«Много горестей и бѣдъ....
«Вотъ, красы тебѣ желалось—
«Я дала красу тебѣ.
«Долго-ль ей ты наслаждалась?
«Вѣдь опять пришла ко мнѣ.
«Въ сундуки добра и злата
«Наложила я тебѣ;
«Ты — красавица, богата,
«И приходишь вновь ко мнѣ
«Съ рѣчью слезною такою:
— «Богъ, вишь, счастья не даётъ!
«Что не знаешь ты покою,
«Что тоска тебя гнетётъ.
«Эхъ, голубушка! Повѣрье
«Вотъ что мудро говоритъ:
«Что богатство да бездѣлье
«Счастья въ мірѣ не творитъ.
«Ни богатой, ни красивой
«На селѣ ты не слыла,
«Но зато и неспѣсивой
«Ты съ подругами была.
«Ты работала, трудилась—
«Сладокъ былъ тебѣ покой;
«А отъ дѣла какъ отбилась,
«Познакомилась съ тоской.
«Всё, что намъ легко даётся,
«Неумѣемъ мы цѣнить.
«Пусть-же лучше такъ живётся,
«Какъ самъ Богъ назначилъ жить!»

Е. Щепина.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ.

Я давно собираюсь разсказать вамъ одно истинное происшествіе. Дѣло было въ деревнѣ, куда, обыкновенно, уѣзжаютъ на лѣто подышать чистымъ воздухомъ и попользоваться сельскими удовольствіями. На этотъ разъ, маленькому Колѣ,—такъ звали мальчика, о которомъ я хочу разсказать вамъ, — не пришлось ими пользоваться: у него очень болѣла нога и онъ совсѣмъ не могъ ходить.

— Я не могу, мама, наступить на ногу, — говорилъ онъ матери; — право, я сдѣлалъ-бы это, еслибы могъ. Доктора сказали, говоришь ты, что еслибы я попробовалъ, то могъ-бы наступить; но я пробовалъ и не могу. Какъ могутъ знать доктора, что чувствуетъ моя нога?

— Но, милый Коля,—отвѣчала мать,—попробуй, положи твою книгу и брось этотъ гадкій костыль; облокотись на мою руку и дойди, хоть прихрамывая, вотъ до этого куста. Я не прошу тебя взойти на пригорокъ, или пройти цѣлую улицу, а только до этого куста; попробуй-же поставить больную ногу на землю. Если боль будетъ нестерпима, ты поднимешь ногу, пусть она отдохнётъ, потомъ опять попробуй — ты этимъ покажешь силу воли.

— Но вѣдь это мучительно, мама, — возразилъ Коля, который былъ очень изнѣженный мальчикъ. — Оставь меня, мама, такимъ, какъ я есть, мнѣ такъ хорошо въ тѣни этого большаго, стараго дерева. Я люблю смотрѣть, какъ вѣтеръ колеблетъ вѣтви, люблю слѣдить за облаками, наблюдать за бабочками и мушками, считать,

сколько падаетъ листьевъ, а когда мнѣ всё это надоѣстъ, тогда я читаю.

— А въ это время, милый Коля, твоя больная нога ростётъ неправильно и дѣлается болѣе и болѣе уродливою. Она будетъ короче другой, и ты всю жизнь будешь хромать.

— Что-жъ, мама, ты знаешь, лордъ Байронъ былъ коротконожка.

— Да, и это очень отравляло его существованіе, онъ всю жизнь страдалъ отъ ноги.

— Тщеславіе болѣе заставляло его страдать.

— Отчасти это такъ. Но вѣдь онъ родился съ короткою ногою, а ты нѣтъ. Ты можешь излечиться. Кромѣ этого, мой милый, когда я умру, ты долженъ будешь самъ заработывать свой хлѣбъ, а это будетъ нелегко, если ты не будешь здоровъ. Мать остановилась на минуту, потомъ прибавила: «Ну, будь-же храбрѣе, Коля, рѣшись попробовать стать на ногу.

Коля тоскливо посмотрѣлъ кругомъ, съёжился и повернулся; слёзы показались на его большихъ сѣрыхъ глазахъ. Онъ положилъ книгу, оперся на костыль и, сжавъ губы, вытянулъ больную ногу.

— Право, мама, я не могу стоять на ней, нечего и пробовать, я не могу.

— Дай, я помогу тебѣ, милый.

— Ты не можешь помочь мнѣ, ты не можешь вытянуть этотъ проклятый мускулъ, какъ растягиваешь какое-нибудь вязанье! Я лучше буду хромать, чѣмъ такъ мучиться. Впрочемъ, чтобъ тебѣ угодить, я поставлю ногу на землю. Ну, вотъ, посмотри, каблукъ еще не достаётъ до земли, а я уже чувствую боль сильнѣе, чѣмъ это бывало прежде, когда я пробовалъ стоять.

Коля былъ правъ; въ самомъ дѣлѣ, ему было теперь труднѣе вытянуть ногу до земли: внутри его башмака было положено нѣсколько слоевъ кожи, которыми больная нога поддерживалась выше другой, здоровой, и Анна Петровна (такъ звали мать Коли) снимала каждый день по одному слою этой кожи; одинъ слой она вынула наканунѣ, а потому, чтобъ достать до земли, надо было вытянуть ногу болѣе прежняго. Не смѣйтесь, однако, надъ тѣмъ, что Коля съ такимъ малодушіемъ переносилъ боль. Онъ много терпѣлъ, но, къ сожалѣнію, причиною его терпѣнія была скорѣе

безпечность, чѣмъ сила воли. Коля былъ мальчикъ мечтатель, онъ любилъ болѣе мечтать, чѣмъ думать, и болѣе думать, чѣмъ дѣйствовать. Несчастная нога безпокоила его, когда онъ шевелилъ ею, и причиняла сильную боль, когда онъ пробовалъ ходить; поэтому, онъ предпочиталъ лежать на диванѣ и нѣжиться, а въ тихое и теплое лѣтнее утро—оставаться одинъ и читать, или мечтать. Онъ былъ въ состояніи проводить такъ цѣлые дни, пока солнце не скрывалось за дрожащею и нѣжною тѣнью акацій. Мать Коли знала, что если онъ не будетъ стараться упражнять больную ногу, то останется хромымъ на всю жизнь; она очень сожалѣла, что сынъ ея довольствуется настоящимъ и не думаетъ о будущемъ, и что надо было постоянно заставлять его дѣлать необходимыя упражненія для излеченія его ноги. Анна Петровна всё стояла возлѣ Коли. Онъ опять поднялъ глаза.

— Ты разсказывала, мама, что твой дѣдушка былъ хромой, да вотъ учитель Миши также хромой, и еще...

— И еще, и еще много другихъ, — прибавила Анна Петровна, — и, несмотря на хромоту, дѣдушка всю жизнь трудился, но онъ всѣми средствами пробовалъ преодолѣть свои страданія. Конечно, мой милый, я не упрекаю тебя. Сохрани меня Богъ! Если я заставляю тебя терпѣть сильную боль теперь, то для того, чтобы облегчить твое будущее. — Я хочу, чтобъ ты былъ храбрый мальчикъ и умѣлъ-бы вытерпѣть и сильную боль.

— Терпѣть сильную боль, мама! — повторилъ мальчикъ такимъ жалобнымъ голосомъ, что глаза его матери наполнились слезами.

— Да, мой милый,- –возразила она,—именно такъ, терпѣть её теперь для блага будущаго: сегодняшняя боль пройдётъ съ тѣмъ, чтобъ никогда не вернуться, между-тѣмъ усиліе, сдѣланное тобою, укрѣпитъ твою ногу и поможетъ леченію.

Въ эту минуту изъ-за кустовъ поднялся бумажный змѣй, а за нимъ, прыгая чрезъ пни и кочки, какъ козы, бѣжали съ крикомъ два сильныхъ, здоровыхъ мальчика.

Глаза Коли слѣдили за ними.

— Ахъ, мама, я никогда не буду пускать змѣя!

— Отчего, милый? Если ты только захочешь упражнять ногу, ты будешь пускать змѣй лучше этого. Твой змѣй будетъ съ боль-

шимъ хвостомъ, весь розовый и съ колокольчикомъ. Я тебѣ его сдѣлаю.

— Большого змѣя, мама, ты мнѣ сдѣлаешь?

— Да, милый, такого большого, какого только ты въ состояніи пускать. Мой двоюродный братъ, Вася, сдѣлалъ однажды, когда я была еще маленькой дѣвочкой, такого змѣя и привязалъ къ нему маленькій, тоненькій колокольчикъ; и мы слышали, какъ онъ звенѣлъ въ воздухѣ, когда змѣй леталъ.

— О! мама, ты никогда мнѣ этого не разсказывала; ты мнѣ купишь и колокольчикъ?

— Конечно, и такой, чтобъ змѣй могъ его поднять.

— Какъ это будетъ красиво! но я долго еще не буду бѣгать за нимъ.

— Бѣгать можетъ быть не будешь, но еслибы ты каждый день только аккуратно пробовалъ немного ходить, ты скоро-бы могъ пускать змѣй и ходить за нимъ.

Коля молча протянулъ руку матери, и она приподняла его. Онъ твёрдо стоялъ на одной здоровой ногѣ и на костылѣ, потомъ, отдавъ костыль Аннѣ Петровнѣ, поставилъ больную ногу на землю; яркая краска, выступившая внезапно на его щекахъ, показывала, что онъ страдаетъ и отъ боли, и отъ усилія. Онъ сдѣлалъ два шага — невозможно описать выраженія надежды и страданія на лицѣ его матери, — но вдругъ онъ вскрикнулъ и, закрывъ лицо руками, опустился на скамейку, съ которой только-что всталъ.

— Я отказываюсь отъ змѣя, мама,—сказалъ онъ.

Анна Петровна отвернулась, не сказавъ ни слова.

— Я боюсь, что мама перестанетъ любить меня, — подумалъ Коля. Я желалъ-бы, чтобъ она чувствовала боль моей ноги, тогда-бы она узнала её.

Но чтоже она тогда узнала-бы? Ей и такъ было извѣстно, что сынъ ея слабъ и изнѣженъ. По своей нѣжной, миловидной наружности, Коля принадлежалъ къ числу тѣхъ мальчиковъ, которыхъ ихъ здоровые, сильные товарищи называютъ дѣвочками; впрочемъ, надо сказать этимъ мальчикамъ, что дѣвочки нерѣдко переносятъ всякую боль лучше, чѣмъ самый сильный мальчикъ, пускающій змѣй или играющій въ лапту. Продолжительное страданіе ослабило Колю; несмотря на

это, онъ былъ-бы красивымъ, еслибы его не безобразила его правая нога, которая была короче лѣвой. Онъ имѣлъ тёплое сердце и вообще много привлекательнаго, но былъ испорченъ слишкомъ большою изнѣженностью и тѣмъ, что слишкомъ долго былъ безъ товарищей.

Между тѣмъ, мальчики съ змѣемъ вышли на дорогу, окаймлявшую лугъ Анны Петровны, гдѣ и остановились, встрѣтившись съ другимъ мальчикомъ. Замѣтно было, что что-то особенное привлекло ихъ вниманіе, и дѣйствительно: ворчанье и визгъ, которыми, обыкновенно, отличаются собачки, когда ихъ дразнятъ, показывали, что у новаго незнакомца была собачка. — Коля видѣлъ, какъ три головы наклонились надъ маленькимъ животнымъ, и по нѣкоторымъ словамъ, долетавшимъ до него, понялъ, что владѣльцы змѣя хотѣли купить собачку. Сначала они предложили за нее пять копѣекъ, потомъ десять, наконецъ пятнадцать, но хозяинъ собачки стоялъ на своёмъ, онъ не хотѣлъ уступить её дешевле тридцати копѣекъ. Мальчуганы сердились, говорили, что даютъ хорошую цѣну и хотѣли купить собачку непремѣнно.—«Мы сыновья управляющаго,—говорили они продавцу,—а ты—сынъ крестьянина, простой мужикъ: всѣ мужики обманщики; нечего тутъ толковать, ты долженъ отдать собаку, — вотъ тебѣ пятнадцать копѣекъ: больше не стоитъ простая дворняшка». Хозяинъ собачки не соглашался.—«Какъ угодно,—говорилъ онъ,—мнѣ не зачѣмъ продавать собачку, и вамъ, господамъ не годится простая дворняшка. Дворняшка! Она хоть и дворняшка, а больше заслужила, чѣмъ иные дѣти, думающіе, что они господа».

Этотъ дерзкій отвѣтъ вызвалъ ударъ, за которымъ началась драка. Чтобы спасти собачку отъ сыновей управляющаго, мальчикъ перебросилъ ее чрезъ низкій заборъ сада, около котораго произошла драка, на копну сѣна, недавно скошеннаго между деревьями сада.

Бѣдное животное, отъ сотрясенія или отъ удара о жердь, находившуюся, должно быть, въ сѣнѣ, такъ жалобно завизжало, что Коля забылъ о свой боли и, почти безъ помощи, костыля дошолъ до мѣста, гдѣ лежала собачка, взялъ её на руки и прижалъ къ своей груди. — «Брось собаку, — закричалъ ему одинъ изъ сыновей управляющаго, — или я съ тобою также раздѣлаюсь, какъ и съ нимъ».... Но пока онъ говорилъ это,

мальчикъ такъ ловко оттолкнулъ его что, старшій сынъ управляющаго растянулся на дорогѣ. Пользуясь этимъ, маленькій крестьянинъ прыгнулъ къ сѣну; его смуглая кожа свѣтилась сквозь прорѣхи изорваннаго платья, а его дикіе, тёмные глаза сверкали изъ-подъ всклокоченныхъ волосъ, покрывавшихъ голову массою густыхъ кудрей. Онъ могъ-бы служить въ это время неоцѣненною моделью для артиста, и зрители такой картины, конечно, воскликнули-бы: какой красивый крестьянскій мальчикъ! Однако собачка продолжала жалобно визжать. Коля осмотрѣлъ её. Причина страданій бѣднаго животнаго была очевидна: передняя нога его была сломана между лапою и колѣнчатымъ суставомъ, и хотя, къ счастью, кожа оказалась неповрежденною, но переломленная лапа висѣла безпомощно.—«Бѣдный пёсъ,—сказалъ крестьянскій мальчикъ,—не перебрось я тебя черезъ заборъ, тебя-бы задавили. — Что дадите теперь за сломанную ногу?»—спросилъ онъ, повернувшись къ дорогѣ, но сыновей управляющаго уже не было: завидѣвъ бульдога, который уже перескочилъ черезъ заборъ, они убѣжали, такъ-какъ хорошо знали, что́ ожидало ихъ, еслибы Коля закричалъ только бульдогу: «пиль!»

— Неужели твоя бѣдная собачка умрётъ,—спросилъ грустно Коля.

— Издохнетъ? Нѣтъ, добрый баринъ. Не такая нѣжная, чтобъ отъ ноги издохнуть. Я завяжу ей ногу, и она скоро будетъ такъ здорова и крѣпка, какъ твоя собака, и опять пойдётъ ловить мышей, какъ и мать ея. Поди сюда, не визжи, не безпокой барина, ты выздоровѣешь скорѣе его; нога срастётся, станешь бѣгать и забудешь, что когда-то была больна.

Говоря это, Ваня, (такъ звали крестьянскаго мальчика) отыскалъ небольшой кусокъ дерева, вырѣзалъ изъ него своимъ складнымъ ножомъ лубокъ, вложилъ въ него сломанную ногу, и обвязалъ кругомъ какой-то красной тряпкой, которую вытащилъ изъ своего изорваннаго кармана.—«Вотъ»,—сказалъ онъ,—«такъ хорошо будетъ, и Петръ Ивановичъ, нашъ управный лекарь, перевязалъ матушкѣ ногу не лучше, когда она сломала её. Ничего, Жучка, всё пройдётъ! сиди только смирно цѣлую недѣлю, и не шевелись а, я буду давать тебѣ хлѣба; его и на тебя хватитъ у насъ.

— Хочешь продать мнѣ собаку?—спросилъ Коля.

— Хорошо, добрый баринъ, да не подержать-ли мнѣ её у себя, пока она выздоровѣетъ.

— Нѣтъ, пусть лучше она останется у меня, я буду за ней самъ ходить; а ты придёшь и посмотришь на мѣстѣ-ли лубокъ; придёшь?—спросилъ Коля.

— Отчего-же, приду. — Спасибо тебѣ, баринъ.

Коля вынулъ изъ своего маленькаго кошелька тридцать копѣекъ и отдалъ ихъ мальчику.

— Собака теперь этого не стоитъ,—сказалъ Ваня.—Я не возьму этихъ денегъ, дай половину, а остальныя оставь у себя; отдашь ихъ, когда собака оправится. Мать моя будетъ браниться, если тебя обману: твоя матушка такъ помогала ей, когда съ ней недавно случилось несчастье. Можетъ быть, не повѣришь, баринъ, а мы помнимъ добро, и матушку твою любятъ у насъ на деревнѣ. Небось теперь домовой не доитъ вашу корову?—Говоря это, молодой плутъ лукаво посмотрѣлъ на Колю, засмѣялся и всплеснулъ руками.—Ваши куры, небось, всегда несутся, и ни коршунъ, ни лисица не таскаютъ молодыхъ цыплятъ. Красавецъ баринъ, — прибавилъ онъ, дѣлая при этомъ нѣсколько самыхъ необыкновенныхъ прыжковъ,—у насъ глаза вездѣ и на всё.

— Не знаю, чтобъ я далъ, чтобъ прыгать такъ, какъ ты. Какъ тебя зовутъ?

— Ваня, добрый баринъ.

— Чтобъ я далъ, чтобъ имѣть возможность прыгать такъ, какъ ты Ваня.

— Эхъ, милый баринъ, кушай поменьше да посуше, да спи на родной землѣ, такъ будешь также лёгокъ. Дѣлай только всё то, что будетъ дѣлать Жучка, когда ея нога срастётся.

— Ты забываешь о моей бѣдной ногѣ; видишь, вотъ это, Ваня, она короче другой.

— Вытягивай ее, вытягивай чаще, а теперь прощай; завтра я приду посмотрѣть на Жучку.

Собачка, прихрамывая, сдѣлала нѣсколько шаговъ за своимъ прежнимъ хозяиномъ, потомъ остановилась, сѣла и начала стонать, визжать, впрочемъ, назовите, какъ угодно, тѣ звуки, которые издаютъ собаки, когда чувствуютъ боль, или находятся въ опасности.

Я очень уважаю собакъ, и никогда не прохожу мимо нихъ, не посвистѣвъ или не сказавъ имъ ласковаго слова, которое собаки всё-же понимаютъ. На мои привѣтствія онѣ обыкновенно отвѣчаютъ виляніемъ хвоста, или какимъ-нибудь другимъ, означающимъ любезность, движеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ могу сказать, что я знаю толкъ въ собачьей красотѣ, и потому не отношусь съ презрѣніемъ даже къ простой дворовой собакѣ; при этомъ я очень снисходителенъ къ собакамъ и мирюсь съ посредственностью, но всё-же нельзя не сознаться, что Жучка далеко не была красавицей. Она имѣла короткія ноги и толстыя плоскія лапы, ея узкое туловище было покрыто очень жосткою, неопредѣлённаго цвѣта шерстью, а голова украшалась парою ушей, напоминавшихъ уши летучей мыши, это были вопрошающія уши, потому-что онѣ, какъ-бы всё допрашивались чего-то, вѣчно торчали и очень оригинально шевелились при малѣйшемъ звукѣ; ея глаза имѣли какой-то неопредѣлённый тёмно-зелёный цвѣтъ; а разсѣченная, по какому-то несчастному случаю, верхняя губа выказывала острые, маленькіе, бѣлые зубы, и придавала странное, смѣющееся выраженіе одной сторонѣ ея мордочки, междутѣмъ-какъ другая сторона казалась серьёзною и неподвижною. Безспорно это была простая, даже некрасивая собака; но при всёмъ томъ, она не была лишена нѣкоторой оригинальности и даже привлекательности; въ ея глазахъ было что-то пытливое; торчащія, подвижныя уши придавали ея фигурѣ такой оживлённый видъ; ея длинный, покрытый короткою шерстью, хвостъ высматривалъ такъ забавно, извиваясь какъ червякъ всякій разъ, какъ она на что-нибудь пристально глядѣла, а бѣлое пятно шерсти такъ мило покрывало ея горло и грудь вродѣ манишки.

Каждое движеніе причиняло Жучкѣ боль, отъ которой она сильно визжала и дѣлалась еще болѣе безпокойною. Коля, опасаясь, что отъ этого ослабѣетъ лубокъ, въ которомъ была затянута ея лапа, самъ забывалъ о своей ногѣ, и подходилъ къ собачкѣ, почти не хромая. Не удивляйтесь этому, часто бываетъ, что мы не сознаёмъ, что̀ мы въ состояніи сдѣлать, пока не испробуемъ своихъ силъ, и потому, желая достигнуть чего-нибудь и испытывая при этомъ неудачи, никогда не слѣдуетъ отчаяваться; чѣмъ труднѣе препятствія, тѣмъ выше подвигъ преодолѣть ихъ.

Однако Коля не заслуживаетъ особенной похвалы за то, что

ходилъ такъ хорошо: онъ это дѣлалъ по другимъ побужденіямъ, но не вслѣдствіе твёрдаго рѣшенія ходить, преодолѣвая боль. Тѣмъ не менѣе, каждый разъ, какъ ему приходилось идти, онъ чувствовалъ себя храбрѣе, онъ смѣло бралъ на руки собаку, которая ворчала и показывала свои зубы—такое ужъ обыкновеніе у собакъ, и, возвратившись на свое обычное мѣсто, ласкалъ её и разговаривалъ съ нею. Жучка вскорѣ начала къ нему привыкать и ласкаться; казалось, она переставала скучать съ новымъ хозяиномъ; но всё-таки она не забывала и стараго хозяина: ея уши часто обращались къ тому дереву, за которымъ исчезъ маленькій крестьянинъ, а глаза, какъ казалось Колѣ, были наполнены слезами; впрочемъ, я думаю, это было только въ воображеніи Коли.

Во весь вечеръ Коля оказывалъ самую нѣжную заботливость своей новой любимицѣ, и вмѣсто того, чтобъ зѣвать, какъ это съ нимъ часто случалось, или говорить, что ему надоѣло читать и рисовать, жаловаться на то, что мама слишкомъ долго не возвращается изъ города или спрашивать будетъ-ли когда-нибудь его нога здоровою и что онъ будетъ дѣлать, если онъ останется хромымъ,—теперь онъ былъ занятъ собачкой, старался ее успокоить и устранить отъ нея малѣйшее неудобство. Бѣдная собака видимо страдала, сонъ ея былъ неспокоенъ, носъ былъ сухъ и горячъ, она стонала и металась—начиналась лихорадка, которая обыкновенно слѣдуетъ при переломѣ какого-нибудь члена, и Коля прикладывалъ ей компрессы изъ холодной воды. Какъ ему было пріятно, когда Жучка клала голову къ нему на руки или поднимала на него свои глаза съ выраженіемъ живой благодарности. Да, Коля, ты испытывалъ одно изъ великихъ наслажденій, ты уже не сознавалъ болѣе твоего собственнаго страданія, облегчая страданія хотя-бы собаки!

Да, хотя маленькая собачка не разъ впродолженіе ночи будилъ тебя, однако, этотъ прерываемый сонъ освѣжалъ тебя болѣе, чѣмъ нѣсколько спокойно проведенныхъ ночей. Не забудьте пожалуйста, что у Коли была нѣжная, любящая натура. На другой день Ваня исполнилъ своё обѣщаніе, навѣстилъ Жучку. Онъ не одобрилъ, что собака была завернута на ночь въ шарфъ Коли, и спала на его постелѣ; приказалъ положить её на свѣжую траву, и дать ей сухихъ костей, которыя, какъ онъ говорилъ, обточатъ ей зубы и успокоятъ её. Очевидно, онъ очень вѣрилъ

въ сухія кости. Онъ говорилъ съ Жучкой на крестьянскомъ нарѣчіи и Колѣ казалось, что онъ слышитъ какую-то дикую музыку. Поласкавъ собаку, Ваня сообщилъ Колѣ, что въ сосѣднемъ полѣ непремѣнно долженъ быть теперь рѣдкій выводокъ куропатокъ, и что если Коля рѣшится потихоньку пойти съ нимъ, то онъ ему покажетъ головку птички, сидящей въ гнѣздѣ. Какой мальчикъ устоитъ противъ такого искушенія? Конечно, только не Коля.

Можете себѣ представить, какое удовольствіе испытывала Анна Петровна, наблюдая изъ-за занавѣски окна, какъ ея Коля отправлялся за неутомимымъ Ваней посмотрѣть на головку куропатки! Черезъ нѣсколько времени Коля возвратился одинъ; Ваня простился съ нимъ въ полѣ, обѣщая придти на слѣдующій день.

Коля усталъ; онъ уже начиналъ жаловаться на свою ногу, но въ это время собака завизжала. Опять и опять страданія собачки заставляли его забыть о своей больной ногѣ. Потребности собачки были непрерывны; вскорѣ она нашла, что глодать кости очень хорошая вещь, когда нѣтъ ничего другого, но довольствоваться ими долѣе она не хотѣла—тѣмъ болѣе, что воспаленіе и лихорадка прекратились и аппетитъ ея увеличился. Чрезъ недѣлю она уже ходила на трёхъ ногахъ почти также скоро какъ на четырёхъ, тѣмъ труднѣе было Колѣ заставлять её быть спокойною,—и онъ постоянно долженъ былъ вставать, подходить и ухаживать, какъ онъ выражался, за этой неугомонной собакой. Такимъ образомъ, Жучка принуждала его къ постоянному движенію. У Коли были еще и другія заботы: такъ Султанъ, храбрый и степенный бульдогъ, не отличавшійся сообразительностію, никакъ не могъ уразумѣть отчего у Жучки одна лапа краснаго цвѣта, и, хотя Коля не разъ старался растолковать ему, что лапа казалась красною, потому-что была забинтована красной тряпкою, но Султанъ часто ставилъ бѣдное, маленькое животное въ большое затрудненіе, когда бралъ, конечно съ добрымъ намѣреніемъ, въ зубы больную лапу собачки. Конечно, Коля долженъ былъ послѣ этого слѣдить за Жучкой и не позволять ей близко подходить къ канурѣ Султана. Но это было не все: курица, мать множества полуоперившихся цыплятъ, не долюбливала собакъ вообще, но собачки съ красной ногой она положительно не могла выносить, и лишь-только показывалась Жучка,

она начинала кудахтать и такъ страшно шумѣть своими крыльями, что Коля всякій разъ принужденъ былъ отгонять её, бросая свой костыль. Кошка была также врагомъ бѣдной Жучки: ворча и фыркая съ выгнутой спиной и ощетинившимся хвостомъ, незамѣтно подходила она къ Жучкѣ, и Коля опять долженъ былъ защищать свою любимицу. Не забудьте, что собачка была также шалунья и если её никто не тревожилъ, она сама непремѣнно преслѣдовала кого-нибудь: то утащитъ башмакъ или перчатку, то носовой платокъ или мышеловку. Однажды она покатила куриное яйцо, и очень удивилась, когда оно разбилось; кажется, впрочемъ, это ей было не совсѣмъ непріятно, потому-что она долго послѣ этого сидѣла, облизывая самодовольно губы и переднюю лапу и затѣмъ искала другое яйцо. Она была въ высшей степени понятлива, могла подавать мячикъ, что Колѣ было очень пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ полезно, такъ-какъ это доставляло ему двойное упражненіе и забаву: ему приходилось носить мячикъ почти также часто, какъ Жучкѣ.

Такимъ образомъ, Ваня сдѣлался аккуратнымъ утреннимъ посѣтителемъ сельца Малахова. Онъ хорошо зналъ природу, ему были извѣстны названія и свойства многихъ растеній, камней, насѣкомыхъ и этими познаніями онъ дѣлился съ любознательнымъ Колей, который въ свою очередь училъ Ваню читать, выказывая при этомъ много искусства и доброты, въ особенности, когда его воспитанникъ, не привыкшій къ ученію, дѣлался нетерпѣливымъ. Чтобы болѣе заинтересовать его, Коля читалъ ему разные разсказы, а это очень нравилось Ванѣ; онъ дѣлалъ множество вопросовъ, для разъясненія которыхъ Коля часто принужденъ былъ обращаться къ матери, уясняя такимъ образомъ и себѣ мѣста, читанныя имъ прежде, но безъ должнаго вниманія, и оставшіяся оттого непонятными. Впрочемъ Ваня не имѣлъ склонности къ грамотѣ: Анна Петровна видѣла, что хотя онъ часто бываетъ съ ними, но ихъ общество никогда не будетъ имѣть вліянія на его дикую натуру. Онъ не любилъ занятій, выказывалъ рѣшительное презрѣніе къ комфорту, радовался дождю столько-же, сколько и солнцу, и считалъ изнѣженностію спать въ домѣ.

— А, а, милый баринъ! — воскликнулъ онъ однажды, увидавъ, какъ Коля хорошо бѣгалъ за Жучкой, которая уже безъ перевязки ставила смѣло свою больную ногу, какъ-бы рѣшив-

шись упражнять её. Да, ты учишь бѣднаго крестьянскаго мальчишку, а тебя учитъ собачка.

Ваня былъ правъ: сначала Коля упражнялъ свою ногу просто изъ побужденія ухаживать за маленькой собачкой; потомъ, замѣчая хорошія послѣдствія, онъ пріобрѣлъ мужество не обращать вниманія на боль, которая, постепенно уменьшаясь, прошла, и вскорѣ была имъ забыта. Его добрая мать съ удовольствіемъ вынула послѣдній листъ кожи изъ его башмака и въ тотъ-же день подарила ему бумажнаго змѣя, который взвился высоко въ воздухѣ, звеня колокольчикомъ, къ неописанному удовольствію маленькихъ зрителей.

Уставши пускать змѣй (вѣдь удовольствіе иногда бываетъ утомительно), Коля наблюдалъ за Жучкой, какъ она, полизавъ послѣ продолжительной ходьбы свою лапу, опять пускалась за птицей или бабочкою.

— Я думаю, мама, — сказалъ онъ, — мы съ Жучкой друзья на всю жизнь. Моя нога выздоровѣла, благодаря Бога, но когда я подумаю, какъ страдала бѣдная собака, съ какою твёрдостью и настойчивостью она упражняла свою ногу, право, мнѣ становится совѣстно, что я самъ такъ долго тянулъ мое безпомощное положеніе, которое мнѣ казалось даже иногда интереснымъ. Ахъ, милая мама, странныя мысли приходили мнѣ въ голову, конечно отъ лѣни и безпечности. Простишь-ли ты мнѣ, что я не слушалъ твоихъ совѣтовъ и что только примѣръ моего четвероногаго друга исправилъ меня.

— Я слишкомъ счастлива тѣмъ уже, мой милый мальчикъ,— отвѣчала ласково мать,—что ты благодаренъ твоей маленькой Жучкѣ. Бѣдное животное возбудило въ тебѣ сожалѣніе.

— Да, милая мама, и вмѣстѣ дало мнѣ хорошій примѣръ. Но, удивительно, какъ Жучка переносила страданія, а когда съ ея ноги былъ лубокъ, съ какимъ удовольствіемъ она поставила ногу на землю. Почуствовавъ боль, она взвизгнула, приподняла лапу, и потомъ опять поставила. Жучка несмотря на боль, пробовала владѣть ногою и вотъ теперь она избавилась отъ боли и нисколько не хромаетъ. Не правда-ли, Жучка—добрый товарищъ?

— Ахъ, милый баринъ, — вмѣшался Ваня, уже одѣтый въ новое, приличное, подаренное ему Анной Петровной платье,

въ которомъ, правду сказать, много теряла его оригинальная наружность;—ахъ, милый баринъ, Жучка очень умная собака: она поняла—въ чомъ дѣло, она поняла, что тебя надо заставить ходить, и стала вставать. Баринъ мой будетъ хромымъ, думала она, если я не заставлю его бѣгать. Право, собаки очень умны! Жучка очень умное животное, посмотрите какъ ея уши заходили! Она понимаетъ, что я говорю. Повѣрь, она не была-бы такою безпокойною, еслибы не твоя нога. Она знала, что тебѣ нужно ходить, и теперь знаетъ, что тебѣ костыль уже не нуженъ и что ты будешь съ ней ходить на охоту. Да, баринъ, какъ жаль, что ты не крестьянскій мальчикъ, ты ходилъ-бы съ Жучкой за зайцами, за которыми мы съ батюшкой такъ любимъ охотиться.

— Какія ты говоришь глупости,—сказалъ Коля, смѣясь;—я нисколько не вѣрю въ намѣренія Жучки вылечить меня, и въ ея особенный способъ леченія, но я думаю, что еслибъ не она, то я можетъ быть остался-бы хромымъ. Жучка превосходный воспитатель.

Щеглова.

РУССКІЙ СѢВЕРЪ.

(ПО ДИКСОНУ).

VIII *).

Святые острова.

Группа острововъ, называемыхъ «святыми», Соловецкими, или Соловками, заканчиваетъ собой къ сѣверо-западу тотъ длинный, тянущійся вдоль почти всей Онежской губы, рядъ каменныхъ острововъ, которые вообще еще неизслѣдованы и дурно изображаются на картахъ. Группа эта состоитъ, исключая мелкихъ, изъ 6-ти острововъ: Соловецка, Калгуева, двухъ Муксальмскихъ и двухъ Заячьихъ. Общаго у нихъ то, что всѣ они, исключая Калгуева, съ низкими берегами и возвышенной срединой (у Калгуева наоборотъ) и отстоятъ отъ Архангельска почти на 250 верстъ.

Соловецкъ принадлежитъ къ самымъ значительнымъ по величинѣ островамъ этой группы, хотя собственно самъ-по-себѣ онъ представляетъ небольшой, длиною отъ 3 до 4-хъ и шириною отъ 2 до 3-хъ миль, зеленѣющійся, среди этой угрюмой пустыни водъ, лоскутокъ земли. Яростныя воды сердитаго сѣвернаго моря, глубоко врѣзываясь въ груды камней и торфа, образующаго почву, повырыли здѣсь множество бухтъ. Подвигаясь всё впередъ съ обѣихъ сторонъ острова, эти воды чуть не встрѣтились на его срединѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ возвышаются монастырскія стѣны. По этой причинѣ, здѣсь всего около трети мили пространства отдѣляетъ восточную бухту отъ западной. Этотъ островъ

---

*) См. «Семья и Школа» 1872 г. №№ 3, 5 и 7.

находится немного сѣвернѣе, чѣмъ Ватна-Окулъ: 66-й градусъ сѣверной широты проходитъ около самаго монастыря.—Островки, разсѣянные вокругъ, многочисленны и живописны: вѣчно бурное, волнистое и блестящее пѣной море, углубляясь между ихъ скалъ, придаётъ какую-то величавую прелесть ихъ берегамъ, покрытымъ мхомъ и окаймленныхъ еловыми и берёзовыми лѣсами. Берега Соловецка не представляютъ, подобно лапландскимъ или корельскимъ, ряда однообразныхъ линій, а напротивъ образуютъ мысы и дюны, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ одна вполнѣ можетъ быть названа горой. И почти каждая изъ этихъ возвышенностей увѣнчана бѣлой церковью съ зелёнымъ куполомъ и золотымъ крестомъ; а на самой высокой дюнѣ возвышается храмъ, на башнѣ котораго находится маякъ. Земля, море, небо — всё глубоко запечатлѣвается въ памяти; каждая черта пейзажа имѣетъ здѣсь непреодолимую прелесть и красоту послѣ той бурной и страшной ночи, какую мы провели прежде, чѣмъ ступили на святой берегъ.

Продолжая идти по той набережной, гдѣ мы высадились также легко и удобно, какъ на плотинѣ Дувра, невольно замѣчаешь, что въ красотахъ здѣшней природы, для улучшенія и облагороженія которой человѣкъ не жалѣлъ труда, есть блескъ и жизнь даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Пёстрыя толпы лапландцевъ, корельцевъ и жителей всѣхъ странъ, возрастовъ, чиновъ и состояній, расхаживая взадъ и впередъ по набережнымъ, еще болѣе придаютъ жизни, движенія и разнообразія этому маленькому гнѣзду цивилизаціи, этому заколдованному острову. — Пристань просторна; портъ удобенъ. Направо находится докъ, о которомъ съ такой гордостью говорилъ мнѣ отецъ Иванъ еще въ Архангельскѣ. Въ монастырскую гавань или портъ пропущены съ земли три каменныя плотины, очень удобныя для приставанія къ нимъ судовъ. Тутъ-же, въ гавани, находятся магазины для судоваго такелажа, мучные, крупяные и для съѣстныхъ припасовъ.—Налѣво возвышаются три гостиницы «Гостей», лёгкій, пріятный и привлекательный видъ которыхъ могъ-бы выдержать сравненіе съ самыми заманчивыми отелями сѣверной Италіи. Есть тутъ даже нѣсколько лавокъ и магазиновъ для торговаго люда, который собирается на островъ къ Петрову дню, устраивая, какъ для жителей монастыря, такъ и для поморцевъ,

нѣчто въ родѣ ярмарки. Тутъ-же, между толпами богомольцевъ, важно разгуливаютъ журавли, безъ которыхъ, какъ мнѣ говорили, не обходится почти ни одинъ русскій монастырь.—Отъ порта къ большому товарному и провизіонному магазину проведена съ плоскими рельсами желѣзная дорога. Въ одномъ изъ уголковъ порта я замѣтилъ также отдыхающею на подпорахъ «Надежду»—богомольческое судно, построенное несравненно лучше «Вѣры», привёзшей насъ на святые острова.

Огромный Соловецкій монастырь лежитъ на западной сторонѣ острова, защищонной съ моря островками, которые какъ-бы нарочно оставили промежъ себя узкія ворота для прохода судовъ. По обѣимъ сторонамъ этого прохода взоры путешественника встрѣчаютъ цѣлый лѣсъ деревянныхъ крестовъ, водружонныхъ на этихъ каменныхъ насыпяхъ въ память морскихъ крушеній. Послѣ созерцанія дикихъ и суровыхъ каменныхъ грудъ и почти всюду разбросанныхъ голышей, словно призраки торчащихъ изъ воды, общій видъ Соловецкаго монастыря невольно какъ-то приковываетъ къ себѣ всё ваше вниманіе, навѣвая на васъ какія-то радующія и убаюкивающія ощущенія и впечатлѣнія; видъ его кажется вообще пріятнымъ, даже величественнымъ. Сѣрыя массивныя стѣны и башни, бѣлыя церкви и колокольни, покрытыя разныхъ цвѣтовъ куполами съ золочонными на нихъ «маковками» и крестами: все это, представляя какое-то странное сочетаніе готическаго стиля съ византійскимъ, оставляетъ въ зрителѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Крѣпкія, тянущіяся вдоль набережной, каменныя наружныя стѣны монастыря сложены изъ громадной величины (до 500 пудовъ) неотёсанныхъ камней, вытащенныхъ со дна моря еще во времена Елизаветы Англійской. Онѣ украшены 8-ю массивными, такой-же постройки, башнями и снабжены такимъ-же количествомъ воротъ. Высота стѣнъ простирается отъ 3 до 4-хъ саженъ; верхняя часть ихъ изрѣзана всюду амбразурами для пушекъ. Всё это придаетъ снаружи монастырю видъ какого-то замка, который повидимому способенъ выдержать даже сильную осаду. Теперешній видъ монастырскія стѣны получили собственно съ 1790 г., т. е. со времени нападенія на монастырь шведовъ. Впрочемъ, несмотря на ихъ массивность и кажущуюся крѣпость, на самомъ дѣлѣ онѣ не такъ прочны и военная ихъ тех-

ника, принадлежа къ однимъ изъ древнѣйшихъ, не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ боевымъ приспособленіямъ.—Первыя ступени лѣстницы, которая ведётъ къ святымъ воротамъ, опускаются въ море. Близъ этой лѣстницы находятся двѣ, построенныя по обѣту, часовни, которыя освящаютъ то мѣсто, гдѣ два государя Россіи—Петръ I и Александръ II — поставили ноги, высаживаясь въ Соловецкъ. Тутъ-же, между этими часовнями, нѣсколько ближе къ святымъ воротамъ, находится одно бѣлое зданіе, защищонное стѣнами монастыря, которое носитъ имя церкви «Чуда», и выстроено, какъ разсказываетъ мѣстное преданіе, по слѣдующему случаю. Одинъ богомолецъ, ѣвшій на этомъ мѣстѣ кусокъ просфоры, какъ-то уронилъ нѣсколько крошекъ ея на землю. Вдругъ, откуда-то является къ нему странной формы собака и бросается хватать эти крохи. Но хлѣбъ, казалось, двигался въ пасти животнаго и, какъ-бы одаренный жизнью, пытался выскочить изъ нея. Очевидно, что собака была не кто иной, какъ самъ дьяволъ. Много, говорятъ, лицъ было свидѣтелями этой побѣды святого хлѣба надъ княземъ тьмы, и соловецкіе монахи выстроили тутъ церковь, чтобы навсегда сохранить воспоминаніе объ этомъ чудѣ.

Кирпичныя монашескія кельи и другія зданія, выстроенныя въ рядъ, составляютъ какъ-бы вторую, внутреннюю прерывчатую стѣну монастыря. 2 и 3-этажныя кельи, какъ и всѣ другія зданія, кажутся прочными, хотя и невсегда удобными, и представляютъ памятники той старинной, неправильной архитектуры, съ которою русскій людъ даже и теперь еще несовсѣмъ разстался. На монастырской площади, окружонной кельями, стоятъ три главныя зданія: Преображенскій соборъ, церковь св. Николая и Успенская соборная церковь, при которой находится общая трапеза; всѣ три храма соединяются межъ собой крытыми корридорами и имѣютъ не три (какъ-бы слѣдовало ожидать), а только двѣ колокольни. Преображенскій соборъ принадлежитъ къ однимъ изъ древнѣйшихъ, первыхъ построекъ острова, такъ-какъ онъ выстроенъ раньше внѣшней стѣны; въ нёмъ находятся и серебрянныя гробницы съ мощами чудотворцевъ и основателей Соловецкаго монастыря—Зосимы и Савватія. Находящійся тутъ-же Вознесенскій соборъ восходитъ къ тому времени, когда св. Филиппъ былъ настоятелемъ въ Соловецкѣ. Въ одной изъ часовень

находится гробница съ мощами св. Германа—основателя и устроителя монастыря, а при церкви св. митрополита Филиппа устроена монастырская больница. Всѣхъ церковныхъ предѣловъ я насчиталъ внутри монастыря 13, а часовень 2. Внутри монастырскихъ стѣнъ находятся также: трехэтажная казенная кладовая и колодезь подъ причудливымъ навѣсомъ, рабочія отдѣленія для портныхъ, сапожниковъ и иконописцевъ, кожевенный складъ, верёвочная прядильня, прачешная, кухня, квасоварня, хлѣбная и просвирная пекарни, мукомольная водяная мельница и 3 хлѣбныхъ магазина.

Уже одинъ простой перечень всего этого наводитъ на мысль о томъ, что Соловецкій монастырь, несмотря на то, что находится на слишкомъ отдалённомъ уголкѣ земной планеты, окруженномъ со всѣхъ сторонъ ледовитыми, страшными и большую часть года неприступными водами и лежащемъ въ такой широтѣ, гдѣ не можетъ быть «изобилія земныхъ благъ»,—что этотъ монастырь принадлежитъ, если не къ богатымъ, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не къ бѣднымъ обителямъ русской земли. Тотъ-же перечень заставляетъ подумать и о томъ, что человѣкъ употребилъ на этомъ клочкѣ земли немало ума, силъ и времени, чтобы сдѣлать его не только сноснымъ для такой или иной жизни, но даже по своему роскошнымъ. И, дѣйствительно, къ очарованію маститой и набожной древности, на каждомъ шагу здѣсь прибавляется еще не безсильная и не безполезная работа искуства и яркая пестрота и блескъ красокъ и драгоцѣнныхъ металловъ. Показывающіяся тамъ и сямъ среди древесныхъ группъ часовни, изъ которыхъ каждая построена въ память какого-либо событія или лица, представляютъ часто удивительный инстинктъ правилъ перспективы и вѣчныхъ законовъ красоты; а деревянные кресты, во множествѣ стоящіе по берегу моря, придаютъ пейзажу поучительный характеръ. Главный фасадъ собора и сводъ святыхъ дверей украшены живописными изображеніями изъ исторіи священной и исторіи этого острова; живопись ихъ, правда, грубой работы и часто слабо выполнена, но далеко не безъ цѣны. Башни и куполы церквей веселятъ взоры улыбающейся зелёною краской и блестящими позолотами. Лазурный куполъ, усѣянный золотыми звѣздочками, вѣнчаетъ многія зданія,—и взоры богомольцевъ направляются на него съ благоговѣйнымъ выраженіемъ. Такой ку-

полъ увѣнчиваетъ, между прочимъ, новый соборъ, построенный въ память чудеснаго года, когда англійскій флотъ былъ побѣжденъ мирными служителями алтаря Всевышняго.

Несмотря на то, что на монастырскихъ стѣнахъ лежатъ пушки, а въ погребахъ монастыря есть, про всякій случай, всѣ боевыя принадлежности, назвать Соловецкій монастырь военной крѣпостью нельзя. Скорѣе это — памятникъ, какъ исторіи прошлой русской народной жизни, такъ и забытой древней, не думавшей подчиняться правиламъ архитектуры. Не мѣшаетъ также замѣтить, что монастырь болѣе роскошенъ внутри, чѣмъ снаружи. Стѣны и ограды, гостинницы и тюрьма, башни и церкви — всё это выстроено изъ кирпича и камня, что, конечно, при здѣшнихъ климатическихъ условіяхъ, болѣе чѣмъ необходимо. — Нѣтъ паперти и корридора, которые-бы не были украшены живописью, большею частью древняго стиля; несмотря на грубость исполненія, содержаніе этихъ изображеній, заимствованное изъ священнаго писанія, производитъ глубокое нравственное впечатлѣніе. Колонны и перегородки, отдѣляющія алтарь отъ мѣста, назначеннаго для вѣрныхъ, носятъ, по моему, отпечатокъ высокаго искуства, хотя очень можетъ быть, что судьи, привыкшіе созерцать только произведенія итальянскихъ художниковъ, смотря на нихъ, многозначительно улыбнулись-бы.... Правда, что рисунокъ часто слабъ и грубому согласію или сочетанію цвѣтовъ и блеску металловъ дано слишкомъ много мѣста; но вѣдь это-то изобиліе красокъ и золота и производитъ то глубокое впечатлѣніе на зрѣніе и умъ, которое потомъ трудно изглаживается. Невыразимо хорошо и величественно всё это, особенно въ то время, когда бываютъ зажжены паникадила, лампады и свѣчи, и своды храмовъ, оглашаясь величественно-строгой гармоніей церковныхъ пѣсней, наполняются облаками благовонныхъ куреній!

Сдѣланныя нами въ слѣдующіе дни поѣздки въ лодкѣ, телѣгахъ и пѣшкомъ, по островамъ Соловецкой группы, познакомили насъ ближе, какъ съ природой острововъ, такъ и тѣми приспособленіями, которыя сдѣлала здѣсь мощная рука человѣка. — Флора этой островной группы не поразитъ васъ, конечно, ни разнообразіемъ, ни роскошью растительныхъ видовъ; но, тѣмъ не менѣе, она вовсе не такъ бѣдна, какъ-бы это можно было вообразить себѣ, посмотрѣвъ на картѣ мѣсто, какое занимаютъ эти

небольшіе острова. Изъ хвойныхъ тутъ растутъ: сосна, ель и можевельникъ; изъ лиственныхъ: береза, осина, ольха, ива, рябина и изрѣдка черёмуха, а изъ плодовыхъ: малина, черная смородина, дикій перецъ, морошка, клюква, брусника и черника. Деревья этихъ лѣсовъ, не бѣдныхъ грибами, мало впрочемъ годны для построекъ, и употребляются тутъ почти исключительно на топливо. Такъ-какъ здѣшніе сѣверные вѣтры слишкомъ гибельны для огородныхъ растеній, то поэтому монастырскіе огороды обносятся болѣе или менѣе высокими стѣнами, и тогда на нихъ растутъ: рѣпа, рѣдька, морковь, картофель, лукъ и капуста. Много разъ пробовали унавоживать и удобрять монастырскія поля, чтобы сдѣлать ихъ почву производительною по части хлѣбныхъ растеній; но всѣ такого рода попытки оставались пока безплодными, — ячмень каждый разъ погибалъ отъ морозовъ. Въ силу этого, производительность здѣшнихъ полей ограничивается пока лишь рѣпой.

Фауна острововъ, сравнительно говоря, не бѣднѣе флоры. Изъ домашнихъ животныхъ здѣсь живутъ: лошади, быки, кошки и неизмѣнные спутники человѣческихъ жилищъ — крысы; изъ дикихъ встрѣчаются: олени, лисицы, зайцы и бѣлки; царицы озеръ и болотъ—лягушки и здѣсь веселятъ людской слухъ своими утренними и вечернимй концертами, но змѣй и ящерицъ совсѣмъ нѣтъ. Изъ птицъ постоянными обитателями острововъ можно считать только голубей да журавлей; громадныя-же стаи чаекъ, видимыхъ здѣсь лѣтомъ, обыкновенно улетаютъ зимовать къ морю, и тогда, взамѣнъ ихъ, на острова заглядываютъ вороны. — Изъ рыбъ во множествѣ ловятся морскія сельди, составляющія промыселъ, какъ для монастыря, такъ и вообще для бѣломорскихъ обитателей; въ многочисленныхъ-же островныхъ озерахъ водятся: щуки, окуни, лещи, плотва, ерши, налимы и другія рыбы.

Съ эстетической стороны эти поѣздки доставили намъ много очарованія и удовольствія. Возвышенная средина Соловецка всюду покрыта размётанными буграми, вершины которыхъ мы нашли на самомъ дѣлѣ очаровательными, какими онѣ казались намъ въ то время, какъ подъѣзжали мы къ Соловецкой бухтѣ.

Дождевая и снѣговая вода, стекая съ этихъ многочисленныхъ холмовъ, образуетъ между ними озёра, которыя почти на каждомъ шагу попадаются на глаза и которыхъ здѣсь насчитывается

до 200. Болѣе глубокія изъ озёръ, лежа на каменномъ фундаментѣ, имѣютъ удивительно чистую и прозрачную воду; понятно, что и водящаяся въ нихъ рыба бываетъ очень вкусна. Но немало здѣсь озёръ, сформировавшихся на болѣе мелкихъ впадинахъ и на болѣе мягкомъ грунтѣ, который, обусловливая возможность появленія въ озёрахъ мха, ежегодно подвергающагося гніенію, видоизмѣняетъ, какъ составъ воды, такъ и вкусъ плодящейся тамъ рыбы. Многія изъ этихъ озёръ сообщаются между собой вырытыми рукою человѣка протоками, испуская такимъ образомъ одно въ другое лишнюю воду.—Деревья, всюду окружающихъ насъ сосновыхъ и березовыхъ лѣсовъ, довольно красивы, чтобы удовлетворить органу зрѣнія; лѣса притомъ полны разнаго рода сѣверныхъ цвѣтовъ.

Тамъ и сямъ встрѣчаешь лужайку; оттуда видна зелёная долина, на глубинѣ которой блеститъ хорошенькое озеро. Запахъ сѣна наполняетъ воздухъ; къ этому присоединяется еще новый для меня запахъ, который, по словамъ товарищей, происходитъ отъ одного рода хлопчатника, очень обильно растущаго по берегамъ болотъ. — У каждаго поворота дороги находишь часто искусно вырѣзанный и окрашенный красною краской крестъ; а на оконечностяхъ почти всѣхъ лѣсныхъ тропинокъ видишь выкрашенную яркими красками часовню, которая служитъ убѣжищемъ отшельнику. И при всёмъ этомъ царствуетъ тихое и глубокое молчаніе на землѣ и небѣ.... Безподобно! Но главная красота этого восхитительнаго пейзажа — это озера. Самое замѣчательное изъ нихъ — Святое озеро, находящееся за монастырскою стѣной, гдѣ богомольцы купаются тотчасъ по своёмъ пріѣздѣ; но самое красивое, по моему, это — Бѣлое озеро, окружонное лѣсами, усѣянное островками и лежащее по той дорогѣ, которая ведётъ къ обители св. Савватія.

Внѣ монастыря находится деревянная церковь св. Онуфрія при кладбищѣ и 9-ть часовень, изъ которыхъ одна построена въ память посѣщенія острова въ 1694 г. Петромъ Великимъ, а другая — на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены солдаты, присланные правительствомъ для усмиренія Соловецкаго возстанія. Изъ экономическихъ построекъ внѣ монастыря замѣчены нами: каменная кожевня, довольно удобныя и помѣстительныя бани, избы и сараи для столярныхъ, бочарныхъ и плотничьихъ работъ, магазины для сушоной и копчоной рыбы, а также сельдяной, соляной и саль-

ный магазины; изба для пряжи и вязанья сѣтей, каменная о 8-ми горнахъ кузница и при ней кузнечная изба и амбары желѣзный и угольный. Тамъ-же мы нашли скотный (для 120—150 головъ) и конюшенный (для 100—130 штукъ) дворы съ конюшенно-нарядными и сѣдельными при нихъ избами и скотобойней. Есть наконецъ тутъ дровяныя избы, пивоварня, поварня и точильный амбаръ, на которомъ производство точильныхъ работъ совершается водой.

Этотъ новый перечень служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что Соловецкій монастырь нельзя причислить къ бѣднымъ обителямъ русской земли; хотя, впрочемъ, вообще говоря, бѣдныхъ-то обителей на Руси можно найдти весьма немного. Онъ-же снова очень внятно и наглядно свидѣтельствуетъ о томъ упорномъ трудѣ и тѣхъ громадныхъ затратахъ знаній, силъ и времени, которыхъ стоили всѣ эти приспособленія и улучшенія на такомъ далёкомъ уголкѣ земнаго шара и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, каковы здѣшнія. Я не берусь оцѣнивать тѣхъ драгоцѣнностей монастыря, которыми набожная древность, по мѣрѣ прославленія мѣстъ святыней, старалась обогащать ихъ, — не берусь, какъ потому, что онѣ и не совсѣмъ доступны для строгаго анализа и точнаго опредѣленія, такъ и потому, что въ отношеніи ихъ найдутся на Руси обители, далеко превосходящія Соловецкую. Но, при болѣе солидномъ обсужденіи экономическаго положенія и условій быта этого монастыря, меня невольно удивляетъ всё это немалое количество огромныхъ, хорошо и выгодно устроенныхъ и всѣмъ нужнымъ снабжонныхъ заведеній и построекъ.

Атмосфера на Соловецкѣ до того густа, что позволяетъ, въ безоблачный день, смотрѣть прямо на солнце, безъ особенной боли, что, впрочемъ, свойственно всему вообще Бѣлому морю, не говоря уже о туманахъ. Вообще-же природа сурова и скупа.

IX.

Исторія Соловецкаго монастыря.

Исторія Соловецкаго монастыря ведетъ свое начало со временъ Новгородской общины. Новгородскіе бояре, желая пріобрѣсть себѣ владѣнія на Сѣверѣ и тѣмъ упрочить своё вліяніе

въ самомъ Новгородѣ, испрашивали, обыкновенно, у своего архіепископа благословеніе, говоря:—«Позволь намъ, владыко, ѣхать, лошадямъ и всадникамъ, чтобы завоевать св. Софіи новыя владѣнія». Получивъ благословеніе, полные великодушнаго усердія, они основывали въ Кеми, Сумѣ, Сорокѣ и другихъ пунктахъ Двинской, Онежской и Лапландской странъ колоніи, которыми увеличивали владычество и, пожалуй, благосостояніе Великаго Новгорода. — Такіе подвиги бояръ невольно побуждали и другихъ благочестивыхъ людей слѣдовать ихъ примѣру и оплодотворять своими трудами ту пустынную землю, которую бояре открывали дѣятельности людей подобнаго рода. Развѣ набожные люди не могли вынести изъ любви ко Христу всё то, что бояре и купцы выносили изъ любви къ славѣ и деньгамъ? — И вотъ, однимъ изъ такихъ благочестивыхъ людей, жаждавшихъ болѣе широкой и самостоятельно-полезной дѣятельности, является въ Лапландіи инокъ Германъ. Его, впрочемъ, болѣе плѣняли видимые съ лапландскихъ береговъ необитаемые Соловецкіе острова, чѣмъ сама Лапландія, въ которой новгородское владычество и боярская власть такъ или иначе давали себя чувствовать. У Германа мало-по-малу сформировался и болѣе или менѣе выяснился планъ такой дѣятельности на островахъ, выполненіе котораго онъ пока откладывалъ, выжидая благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ.

Въ это время Савватій, монахъ Бѣлозерскаго, а потомъ Валаамскаго монастырей, стремясь къ болѣе строгой аскетической жизни и къ болѣе полному уединенію, возымѣлъ намѣреніе отправиться съ этой цѣлью въ пустыни Сѣвернаго моря. Въ Лапландіи онъ встрѣтился съ Германомъ. Планы послѣдняго не могли непонравиться Савватію; и вотъ въ 1429 году они въ сообществѣ еще третьяго монаха строятъ лодку и направляются къ завѣтной группѣ острововъ, лежащихъ среди большаго пустыннаго моря. Высадившись на самый большой изъ нихъ (Соловецкъ), они остановились на берегу небольшаго и краснваго озера, находящагося у подошвы холма и поросшаго соснами и берёзами. Дюна была высока; съ ея вершины они могли видѣть множество островковъ, разбросанныхъ въ заливѣ, и волны, которыя омываютъ ихъ отъ мыса Орлова до покатостей Кеми.

Савватій принёсъ съ собой на островъ образъ Богоматери,

который потомъ сдѣлался чудотворнымъ, и помѣстилъ его въ одной часовнѣ, выстроенной изъ досокъ. Здѣсь-же, около часовни, онъ выстроилъ для себя и своего товарища шалашъ изъ тростниковъ, въ которомъ цѣлыхъ шесть лѣтъ прожили они святою и тихою жизнью отшельниковъ, всецѣло и исключительно отдавшись служенію Богу. Въ эти шесть лѣтъ Германъ, постоянно переѣзжая и переходя съ острова на материкъ и обратно, неустанно и энергически, хотя, впрочемъ, долго почти безплодно, дѣйствовалъ и хлопоталъ объ устройствѣ промысловыхъ заведеній, объ упроченіи и умноженіи способовъ пропитанія, о привлеченіи монаховъ и рабочаго народа, и пр. Заболѣвъ въ отсутствіе Германа и видя себя одинокимъ среди океана, Савватій испугался при мысли, что при смерти онъ не будетъ имѣть около себя священника, который-бы его исповѣдалъ, причастилъ и предалъ землѣ его тѣло. Поэтому, собравъ послѣднія силы, онъ садится въ лодку и отправляется въ Сороку, гдѣ въ 1435 году и оканчиваетъ свое земное существованіе, бывъ исповѣданъ, причащонъ и преданъ землѣ случайно находившимся въ этомъ городкѣ настоятелемъ Нафанаиломъ. Тѣло его было похоронено въ пескахъ Сороки и надъ его могилой была построена деревянная часовня во имя св. Троицы. Быть можетъ, Савватій остался-бы погребённымъ тутъ навсегда, еслибы одинъ человѣкъ, очень сильнаго и терпѣливаго характера, не направилъ свои стопы къ этой предъизбранной землѣ.

Задолго до этого времени, около Онежскаго озера поселился одинъ смѣлый новгородскій работникъ, по имени Гаврінлъ, съ женою своею Варварой. У нихъ былъ сынъ, Зосима, казавшійся своимъ родителямъ еще съ дѣтства какимъ-то страннымъ. Подъ какими вліяніями росъ онъ, мы не знаемъ; извѣстно только, что, выросши, онъ оставилъ своихъ родителей и, съ посохомъ богомольца, отправился на сѣверъ, гдѣ въ Сумѣ, въ 1436 году, встрѣтился съ Германомъ, который съ увлеченіемъ сообщилъ ему объ островахъ съ ихъ красивыми видами и невозмутимымъ спокойствіемъ и безмолвіемъ, о жизни тамъ Савватія и о своихъ завѣтныхъ планахъ. Подъ живымъ и глубокимъ впечатлѣніемъ этихъ разсказовъ, Зосима рѣшился отдать всѣ свои силы и время дѣлу Германа и просилъ послѣдняго взять его съ собой. И вотъ они въ лодкѣ. Благопріятный вѣтеръ приводитъ

ихъ дальше Заэта, въ маленькую, уютную и спокойную бухту, гдѣ они и высаживаются на берегъ острова. Земля была покрыта травой и деревьями, а глубокое и свѣтлое озеро, которое они тутъ встрѣтили, изобиловало разнаго рода рыбами. — Когда Зосима, подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго на островѣ и прежнихъ разсказовъ Германа, горячо молился на песчаномъ берегу озера, ему представилось чудесное явленіе, которое окончательно склонило его на сторону Германа и возбудило въ нёмъ желаніе сдѣлаться основателемъ религіозной колоніи. На берегу того восхитительнаго озера, которое потомъ названо «святымъ», онъ увидѣлъ, какъ во снѣ, величественное монастырское зданіе, увѣнчанное куполами и башнями. Когда кончилось это видѣніе, онъ разсказалъ о немъ Герману, живо описавъ при этомъ высокія стѣны, святыя ворота, группы крестовъ и куполовъ, — словомъ, онъ представилъ его глазамъ монастырь во всёмъ его величіи. Это окончательно сблизило святыхъ друзей и они, рѣшивъ вести отнынѣ все дѣло сообща, положили пригласить побольше монаховъ и построить монастырь.

Срубивъ дерево, Германъ и Зосима тогда-же сдѣлали изъ него крестъ, который поставили въ знакъ того, что этотъ зелёный оазисъ Ледовитаго океана, на который они высадились, отнынѣ будетъ принадлежать одному Богу. Это святое пріобрѣтеніе было сдѣлано въ 1436 г., черезъ годъ послѣ смерти Савватія. Около воздвигнутаго креста оба монаха построили себѣ хижины, на мѣстѣ которыхъ теперь находятся часовни. Выпросивъ, затѣмъ, у новгородской общины островъ въ исключительное владѣніе будущаго монастыря и собравшись со средствами и людьми, они построили церковь Преображенія, испросивъ въ тоже время у новгородскаго архіепископа—сперва игумена Павла, потомъ Феодосія, а послѣ него Іону. Всѣ эти три игумена, не видя въ основывающейся обители ни надлежащаго порядка, ни тѣхъ удобствъ, къ которымъ они привыкли въ своёмъ монастырѣ, скоро оставляли Соловецкіе острова и уходили во-свояси. При послѣднемъ изъ нихъ (Іонѣ), Герману и Зосимѣ удалось, наконецъ, соорудить монастырь и выпросить у новгородскаго начальства формальную грамоту на исключительное владѣніе островами, съ правомъ завести соляной и рыбный промыслы. Марфа Борецкая подарила при этомъ монастырю

на вѣчныя времена волости Суму и Кемь (на лапландскомъ берегу). Съ этого-то времени (приблизительно съ 1450 г.) и начинается, какъ возвышеніе Соловецкаго монастыря, такъ и его извѣстность по всему пространству русской земли. Итакъ, святые друзья увидѣли, наконецъ, свои святыя мечты и планы осуществившимися на дѣлѣ.

По отъѣздѣ Іоны, монахи, послѣ болѣе или менѣе длинныхъ толковъ и разсужденій, пришли къ тому выводу, что имъ лучше всего выбрать себѣ настоятеля изъ своей-же среды; и всѣ, общимъ голосомъ, просили Зосиму, который не переставалъ быть душою и вождёмъ колоніи, согласиться быть ихъ начальникомъ.— Около 350-ти миль отдѣляютъ Бѣлое море отъ Новгорода; но, несмотря на то, Зосима при отсутствіи дорогъ совершилъ пѣшкомъ путь въ городъ, гдѣ и былъ рукоположенъ во священника. Получивъ разрѣшеніе перенести изъ Сороки въ Соловецкъ мощи св. Савватія, Зосима велѣлъ вырыть тѣло отшельника, оказавшееся совершенно неповрежденнымъ, — и въ 1471 г. Соловецкая обитель была обрадована прибытіемъ въ нее его тѣла. Впослѣдствіи мощи Савватія съ большимъ торжествомъ были положены въ склепъ новой церкви. — Зосима былъ начальникомъ монастыря цѣлыхъ 26 лѣтъ и опочилъ отъ своихъ долгихъ трудовъ въ 1478 году. — Дольше всѣхъ жилъ Германъ, этотъ святой труженикъ, которому больше другихъ Соловецкій монастырь обязанъ своимъ происхожденіемъ, но великая дѣятельность котораго почему-то постоянно оставалась въ тѣни. Онъ умеръ въ 1484 г. на рѣкѣ Волховѣ, по дорогѣ въ Новгородъ, и тѣло его послѣ также перенесено въ монастырь.

Въ 1566 году игуменъ Соловецкаго монастыря Филиппъ былъ выбранъ въ московскіе митрополиты, — и, какъ бывшій настоятель, онъ незабывалъ, конечно, святой обители и немало способствовалъ на этомъ высокомъ мѣстѣ возвышенію монастыря. Послѣ извѣстной страдальческой кончины, тѣло Филиппа, въ 1584 г., было возвращено монастырю. — Опасность со стороны лапландскихъ шведовъ заставила соловецкихъ игуменовъ просить Фёдора Ивановича (сына Ивана Грознаго) объ укрѣпленіи и снабженіи монастыря боевыми снарядами, что́ и было сдѣлано въ 1594 г. Къ этому-то времени и относится сооруженіе стѣнъ монастыря, придающихъ ему видъ, если не военной

крѣпости, то во всякомъ случаѣ старинпаго феодальнаго замка.— Въ 1651 г., по указу Алексѣя Михайловича, въ монастырь былъ поставленъ первый архимандритъ, Илья, которому пожалованы были особыя (епископскія) привиллегіи относительно церковнаго одѣянія, употребленія при богослуженіи свѣчей, рѣпидъ и ковра. Но, какъ-бы взамѣнъ этого важнаго для монастыря пріобрѣтенія, онъ въ слѣдующемъ 1652 году былъ лишонъ, къ великому прискорбію обители мощей Филиппа, которыя торжественно были перевезены въ Москву.

Въ 1667 году вспыхнулъ въ Соловецкомъ монастырѣ, извѣстный въ исторіи русской церкви и народной жизни, мятежъ изъ-за употребленія, исправленныхъ, по почину русскаго патріарха Никона, церковныхъ книгъ. Правительство присылало сюда нѣсколько сановныхъ духовныхъ особъ, чтобы растолковать здѣшнимъ старовѣрамъ-монахамъ, какъ необходимость этого исправленія, такъ и разумность его употребленія; но эти особы, даромъ потративъ силы, время и деньги на такія длинныя, трудныя и не безопасныя путешествія, возвращались въ столицу ни съ чѣмъ. Тогда правительство попробовало употребить противъ раскольниковъ силу оружія. Но жители монастыря оставались при своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и цѣлыхъ 9-ть лѣтъ выдерживали осадное положеніе. Такое, почти небывалое въ военныхъ лѣтописяхъ того времени, количество времени осадныхъ дѣйствій невольно заставляетъ предполагать, что, или осаждённые имѣли слишкомъ много жизненныхъ и военныхъ припасовъ для подобной борьбы, или, что самимъ осаждающимъ запрещено было, изъ уваженія къ святыни и древностямъ монастыря, штурмовать и дѣлать стѣнной проломъ. Какъ то, такъ и другое очень вѣроятно. Но еще вѣроятнѣе предположить, что монахи могли такъ долго выдерживать осаду, благодаря слабости, частому и продолжительному перерыву военныхъ дѣйствій со стороны осаждающихъ. На основаніи достовѣрныхъ сказаній, извѣстно, что на зиму осаждающіе ежегодно уходили съ острова на материкъ, каковымъ обстоятельствомъ монастырь пользовался какъ нельзя лучше, успѣвая за это время запасти для себя въ достаточномъ количествѣ продовольствіе. Нѣтъ слова, что эти печальные 9 лѣтъ отозвались тяжело на экономическомъ состояніи монастыря, лишивъ его притока богомольцевъ и парали-

зовавъ его внутреннюю дѣятельность, но какъ мнѣ говорили, онъ нисколько не лишился уваженія въ народѣ. Лишь въ 1676 году, благодаря оплошности осаждённыхъ, солдаты ворвались въ монастырь, и мятежники были преданы заслуженнымъ наказаніямъ: иныхъ казнили, другихъ сослали, а признавшихся въ виновности простили и оставили на мѣстѣ. При этомъ монастырь лишился и многихъ дарованныхъ ему привиллегій.

Въ 1682 году монастырь былъ переданъ въ подчиненіе новооткрытой тогда холмогорской епархіи, а слѣдовательно потерялъ и ту автономію, которою самъ онъ такъ дорожилъ и которая стоила столькихъ хлопотъ и трудовъ его основателямъ. — Впрочемъ, такого рода положеніе Соловецкой обители продолжалось недолго. Петръ Великій, любившій море и по всей вѣроятности, имѣвшій извѣстнаго рода виды относительно сѣверныхъ русскихъ окраинъ, два раза посѣтилъ монастырь — въ 1694 и 1702 годахъ, причемъ возвратилъ ему почти всѣ потерянныя имъ права и преимущества. — Наконецъ, около 1760—63 года, по ходатайству соловецкаго архимандрита Геннадія, монастырь получилъ отъ св. синода указъ о самостоятельномъ, внѣ епархіальнаго вѣдомства, состояніи и пріобрѣлъ тогда-же степень ставропигіальной лавры, слѣдовательно — первокласснаго монастыря, каковымъ онъ пребываетъ и до сихъ поръ. — По ревизіи 1744 г. за монастыремъ считалось крестьянъ муж. пола. 5180. Теперь они замѣнены безплатными рабочими, которыхъ тамъ всегда бываетъ въ наличности 20 — 50 и которые работаютъ обыкновенно по обѣту, пользуясь готовою одеждой и всѣмъ содержаніемъ.

Богомольцы Соловецкаго монастыря кормятся на счотъ монастырскихъ средствъ. Общее число прибывающихъ сюда каждое лѣто богомольцевъ простирается, говорятъ, до 10,000. — Большинство монашествующихъ — тѣже смирные и грубые поморяне, которые населяютъ русскія деревни. Главное дѣло ихъ — есть спасеніе души. Въ монастырѣ есть библіотека, но въ ней не только нельзя отъискать свѣтской литературы, но и учоно-богословскими сочиненіями не особенно она богата. Слѣдовательно, нѣтъ поводовъ искать тутъ и какой-либо учоности; исключая іеромонаховъ, всѣ прочіе черноризцы даже читать не умѣютъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ монастырь, я послалъ бывшія со мной

рекомендательныя изъ Архангельска письма соловецкому архимандриту Феофану, и почти тотчасъ-же получаю приглашеніе явиться въ настоятельскія кельи черезъ отца Иларіона, котораго можно-бы назвать начальникомъ свѣтскихъ дѣлъ на святыхъ островахъ. Переодѣвшись, я съ отцомъ Иваномъ отправляюсь къ отцу Феофану, осматривая по пути образцы яхтъ и фрегатъ Петра Великаго, а также старинныя живописи, которыми расписаны всѣ проходы. И вотъ, наконецъ, мы передъ дверью его высокопреподобія.

Соловецкій архимандрить живетъ въ особыхъ кельяхъ. Получая въ годъ 4000 рублей жалованья, онъ сверхъ-того получаетъ изъ кассы монастыря на всѣ издержки по дому, столу, одеждѣ и экипажу. Его келья прямо обращена на солнечную сторону и можетъ быть названа въ нѣкоторомъ родѣ маленькимъ Провансомъ святыхъ острововъ. Наконецъ его положеніе вполнѣ самостоятельнаго начальника и хозяина монастыря, увеличенное его высокимъ духовнымъ саномъ, даетъ ему важное значеніе. Одѣтый въ монашескую рясу, на которой виситъ великолѣпное и дорогой сафировый крестъ, маленькій, худенькій, съ аскетическимъ выраженіемъ человѣкъ появляется на встрѣчу, чтобы принять насъ. Это — архимандритъ. Давъ благословеніе отцу Ивану и поздоровавшись со мной, — онъ ведетъ насъ въ комнату, украшенную хорошенькими гравюрами и устланную мягкими коврами, гдѣ усаживаетъ меня неподалеку отъ себя на диванѣ, тогда-какъ оба отца почтительно стоятъ въ отдаленіи. Его пріёмъ полонъ благосклонности. И съ этой минуты его домъ, лодка, карета и кучеръ въ моемъ полномъ распоряженіи. Ничего не жалѣютъ, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ монастырѣ пріятнымъ; и мой хозяинъ, полный усерднаго попеченія, заставляетъ отдавать ему отчотъ во всемъ, что я видѣлъ и дѣлалъ впродолженіе дня.

X.

Трудъ и молитва.

Если на святыхъ островахъ много времени посвящается молитвѣ, то работѣ отдается еще больше.

Ни одинъ монахъ не ведётъ въ монастырѣ праздной жизни. Не только отцы, еще не получившіе священническаго сана, но и многіе изъ тѣхъ, которымъ вручонъ пастырскій посохъ, которые благословляютъ приходящихъ въ монастырь богомольцевъ, прилагаютъ свои способности къ производству разныхъ полезныхъ вещей, какъ-то: церковныхъ украшеній, различной утвари для трапезы и для келій. Пекутъ хлѣбъ, шьютъ платье, дѣлаютъ четки, ножи; всѣ подобныя вещи продаются потомъ за стѣнами монастыря. Кругомъ внутренней ограды устроены монастырскія, мастерскія, изъ которыхъ гулъ работы раздаётся съ разсвѣта до поздней ночи; работы кузнечныя, строенье судовъ, витьё канатовъ, шитье сапогъ и вообще одежды, стирка, соленье, варка квасу, сохраненіе фруктовъ и прочія мастерства, полезныя для человѣка, здѣсь соединены вмѣстѣ; и трудолюбивые монахи пользуются даже многими вновь изобрѣтёнными способами производства. Тѣ изъ среды монаховъ, которые сдѣлались настоящими мастерами въ ручныхъ работахъ, обнаруживаютъ такой вкусъ и такую изобрѣтательность, что кажется нѣтъ вещи, которой-бы не могли они сдѣлать, начиная съ стеклянныхъ бусъ и кончая фрегатомъ. Ни одинъ булочникъ не испечотъ хлѣба бѣлѣе, ни одинъ квасоваръ не сдѣлаетъ квасу вкуснѣе и слаще, чѣмъ это сдѣлаютъ соловецкіе монахи. Я осматривалъ ихъ мастерскія въ сопровожденіи отца Иларіона, и мое изумленіе расло все больше и больше. Всё, что я видѣлъ, казалось, видѣлъ во снѣ. Трудно повѣрить, чтобы до такой степени изящныя и разнообразныя вещи выдѣлывались этими монахами, которые живутъ на уединённомъ островѣ, который втеченіе восьми мѣсяцевъ удалёнъ отъ внѣшняго міра снѣжными вьюгами и ледяною пустынею, — причомъ всякое сообщеніе съ остальнымъ міромъ дѣлается совершенно невозможнымъ.

Соловецкіе монахи дѣлаютъ капюшоны и кушаки изъ тюленьей кожи; они пишутъ картины и вырѣзываютъ на деревѣ;

дубятъ кожи, вяжутъ шерстяные чулки, выдѣлываютъ ружья; они умѣютъ прясть пеньку и лёнъ, шлифовать камни, ткать войлочные сапоги; дѣлаютъ оловянныя тарелки и блюда, сохраняютъ фрукты, вырѣзываютъ бумажные цвѣты, дѣлаютъ кареты и сани, жгутъ кирпичъ, плетутъ изъ пихтовыхъ лыкъ корзины и коробки; добываютъ и отыскиваютъ обломки камней, рубятъ въ своихъ лѣсахъ и обтёсываютъ деревья; чертятъ планы иконостасовъ, церквей и монастырей, очищаютъ пчелиный воскъ, вьютъ веревки и канаты; куютъ якори и сваи, наконецъ вяжутъ и съ иголкой въ рукахъ выдѣлываютъ разныя вещи, какъ необходимыя, такъ и служащія для украшенія комнатъ. И всякая вещь, выходящая изъ ихъ мастерскихъ, къ какой-бы изъ указанныхъ отраслей искуства ни принадлежала она, бываетъ сработана тщательно, трудолюбиво и добросовѣстно. Земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ занимаются монахи, которые имѣютъ къ этому склонность. Иные разводятъ домашній скотъ, стригутъ овецъ, откармливаютъ куръ, сбиваютъ масло, дѣлаютъ сыръ; но послѣдними двумя работами занимаются только на тѣхъ островахъ, гдѣ дозволена подобная роскошь. Другіе сажаютъ картофель, косятъ траву, сберегаютъ фрукты и ухаживаютъ за ними. Между монахами есть искусные пчеловоды; особенными достоинствами славится мёдъ на Александровой горѣ: онъ ароматенъ и прозраченъ, а воскъ изъ него бѣлъ и чистъ.

Обозрѣніе мастерскихъ и службъ монастырскихъ начали мы съ пекарни, которая вполнѣ заслуживаетъ, чтобы на неё первую было обращено наше вниманіе. Жители прибрежныхъ деревень на лодкахъ пріѣзжаютъ сюда за хлѣбомъ; одни покупаютъ этотъ хлѣбъ, а другимъ подаютъ его, какъ милостыню. Всякій богомолецъ, ходившій въ Соловецкій монастырь на поклоненіе его святынѣ, уноситъ съ собою большой хлѣбъ, который онъ получаетъ въ видѣ подарка. Хлѣбъ печотся двухъ сортовъ: черный и бѣлый. Первый, который очень дёшевъ, употребляется всегда, какъ только садятся за столъ; второй цѣнится дороже. Этотъ хлѣбъ носитъ названіе просфоръ. Если просфора бываетъ освящена, то ее вкушаютъ или во время, или вскорѣ по окончаніи церковной службы. Тотъ и другой хлѣбъ очень хорошаго качества. Освященные хлѣбы вѣсятъ не больше семи—восьми унцій; на нихъ есть священная печать съ изображеніемъ креста и съ славян-

скою надписью имени Христова. Благочестивые люди глубоко почитаютъ эти хлѣбы, и тотъ, кто совершитъ путешествіе въ одинъ изъ монастырей, подобныхъ Соловецкому, Георгіевскому или Троицкому, непремѣнно принесетъ своимъ родителямъ, или друзьямъ, какъ самый дорогой подарокъ изъ своего странствованія нѣсколько такихъ хлѣбовъ. Квасоварня въ своемъ родѣ также совершенна, какъ и пекарня. Квасъ для русскаго человѣка служитъ въ одно время и пивомъ, и виномъ; это національный напитокъ. Всѣ сословія его употребляютъ, онъ также служитъ приправой почти ко всякому блюду. Почти въ каждомъ монастырѣ варится замѣчательно-хорошій квасъ; но, по своей доброкачественности, больше всего славится квасъ соловецкій. Возлѣ этихъ двухъ службъ, гдѣ производятся предметы самой первой необходимости, стоятъ мастерскія, въ которыхъ дѣлаютъ блюда и ложки. Потребности въ отдаленномъ сѣверномъ монастырѣ очень несложны; такъ за столомъ, во время обѣда, вилокъ здѣсь почти не видно, да и ножи не въ большомъ употребленіи; чтоже касается ложекъ, то онѣ употребляются больше всего. И это легко можно объяснить, если имѣть только въ виду, что почти всѣ кушанья,—какъ напримѣръ: щи, ячменный кисель, мясо соленой трески,—подаются въ видѣ разваренномъ. Когда начинается обѣдъ, широкое и глубокое блюдо ставится на срединѣ стола; вокругъ него садятся гости и каждый по очереди опускаетъ въ блюдо свою ложку. Блюда и ложки деревянныя, иногда раскрашенныя съ большимъ искуствомъ и умѣньемъ; самыя красивыя изъ нихъ назначаются для продажи и уносятся на память богомольцами.

Глиняныя издѣлія, которыя обработываются среди сѣверныхъ лѣсовъ, уступаютъ другимъ отраслямъ монастырской промышленности и имѣютъ три слишкомъ замѣтные недостатка: они толсты, тяжелы и очень дороги. А въ длинныхъ переѣздахъ, которые необходимы для жителей этой страны, тяжесть трёхъ или четырёхъ сосудовъ представляетъ серьёзное затрудненіе. Немало рабочихъ рукъ занимаетъ также корзинное ремесло. Изъ древесныхъ лубковъ дѣлаются здѣсь корзины, которыя бываютъ легче пробки и болѣе удобны для переноски, чѣмъ оловянныя чашки; закрываются онѣ крышкою, къ нимъ придѣлывается ручка, чтобы легко можно было ихъ носить. Несмотря на то, что онѣ сухія, въ нихъ со-

храняется легкій и пріятный смолистый запахъ того дерева, которое употребляется для этой работы. Плетенье до такой степени сплошное, что корзины непроницаемы и легко могутъ содержать въ себѣ разныя жидкія вещества. Онѣ бываютъ разной величины, начиная съ величины перечницы и кончая величиною кувшина. При своихъ достоинствахъ, онѣ необыкновенно дёшевы; за нѣсколько копѣекъ можно купить ихъ цѣлую дюжину. Корзины слишкомъ большихъ размѣровъ и менѣе искусной работы употребляютъ путешественники, когда ѣдутъ по дорогѣ каменной и чрезвычайно неровной. Въ такихъ корзинахъ дѣлаются перегородки; это для того, чтобы путешественникъ могъ удобнѣе ставить въ нихъ бутылки, ножи и вилки. Если путешествіе не близкое, то можно въ верхнюю часть корзины положить нѣсколько лубочныхъ коробокъ, для перевозки такихъ вещей, какъ горчица, сливки и соль. Изъ нѣсколькихъ небольшихъ мастерскихъ, которыя нами осмотрѣны, я особенно отмѣчаю одну, — именно ткацкую; она находится въ одной изъ башень, расположенныхъ на стѣнѣ внутренней ограды. Эта мастерская стоитъ того, чтобы объ ней упомянуть, не только по достоинству вырабатываемыхъ въ ней тканей, но и по тому значенію, какое она имѣла во время защиты Соловецкаго монастыря противъ англійскаго флота. По словамъ монаховъ, изъ этой башни сдѣланъ былъ послѣдній залпъ, за которымъ послѣдовало удаленіе флота отъ соловецкаго берега. На той-же самой оградѣ, занимая наиболѣе освѣщонную часть ея, фотографическій кабинетъ выставляетъ намъ свой кокетливый фасадъ. Рядомъ съ нимъ помѣщаются зданія новѣйшей постройки и въ нихъ находятся кельи, гдѣ работаютъ финифтяные мастера и живописцы. Здѣсь много представляется сюжетовъ для живописи: корабли, пристающіе къ монастырю, множество острововъ, толпы богомольцевъ и монаховъ, — всё это при солнечномъ освѣщеніи представляетъ очаровательный видъ; но художники, живущіе подъ кровлею обители, довольствуются только сюжетами духовнаго содержанія; одни изъ нихъ — простые копировщики; даже самые лучшіе изъ нихъ имѣютъ только посредственныя способности. Да вообще и вся русская страна, какъ недавно еще вступившая на путь образованія, не богата произведеніями искуствъ; и тѣ немногія, которыми она владѣетъ, принадлежатъ византійской школѣ, которую такъ любилъ па-

тріархъ Никонъ и которой съ его времени стали держаться и архитекторы, строющіе монастыри, церкви и надгробные памятники. Впрочемъ, благочестивые отцы не безъ основанія полагаютъ, что работы ихъ на морѣ въ достаточной мѣрѣ выкупаютъ указанные недостатки; и недаромъ они такъ гордятся этими работами. Многіе монахи живутъ на берегу моря и такъ свыкаются съ морскою водою, какъ дитя съ молокомъ матери. Они имѣютъ много лодокъ, снастей и разнаго устройства сѣти. Они вьютъ превосходныя верёвки и канаты, освѣщаютъ маяками и обозначаютъ бочками фарватеры и мѣста, опасныя для плаванія. Они строятъ шлюпки и судна, а въ послѣднее время въ Соловецкомъ монастырѣ устроенъ пароходъ «Надежда», для котораго всѣ нужныя вещи и матерьялы изготовлены самими монахами, исключая только машины. Словомъ, постоянный трудъ характеризуетъ жизнь монаховъ этого монастыря. Здѣсь рѣдко можно встрѣтить даже священника, который-бы ограничивалъ свою дѣятельность исполненіемъ только священническихъ обязанностей. Если у какого-либо брата (монаха) замѣчается склонность къ извѣстной отрасли искуства, или ремесла, то поощренія прочей братіи, равно какъ и монастырскаго начальства, побуждаютъ его слѣдовать своему призванію и произведенія своего труда посвящать славѣ Божіей. Одинъ монахъ — земледѣлецъ, другой — живописецъ, третій — рыбакъ; этотъ собираетъ лекарственныя травы, тотъ сшиваетъ рукописи или переплетаетъ книги.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ родовъ занятій не послѣднее мѣсто занимаетъ занятіе дѣломъ обученія. Дѣти окрестныхъ поселянъ приходятъ въ Соловецкій монастырь и остаются тамъ на годъ, а иногда и болѣе. Комната, назначенная для классныхъ ихъ занятій, чрезвычайно проста; обученіе только элементарное. Такъ-какъ школы отражаютъ собою состояніе жителей страны, то помѣщеніе для учениковъ представляетъ удобствъ не больше сравнительно съ тѣмъ, что есть въ простомъ крестьянскомъ жилищѣ. Въ ученьи здѣсь никому не отказываютъ; но если мальчикъ захочетъ остаться въ монастырѣ, онъ долженъ поступить работникомъ на ферму, или на рыбацкое судно. Лѣтомъ онъ питается такою-же пищею, какъ и монахи, т. е. хлѣбомъ, рыбою и квасомъ; а зимой даютъ ему извѣстную порцію солёной баранины, — кушанье, запрещонное его хозяевамъ. Многіе изъ та-

кихъ учениковъ остаются въ монастырѣ на всю свою жизнь. Принуждая себя къ безбрачію, подобно монахамъ, они довольствуются тѣмъ, что имѣютъ готовую пищу и жилище и что дѣлаются свободны отъ рекрутчины и семейныхъ заботъ. А тѣ ученики, которые не захотятъ остаться въ монастырѣ, всегда въ состояніи найти себѣ прибыльное мѣсто, благодаря полученному образованію; по крайней мѣрѣ, всегда они могутъ выбиться изъ нужды. Кто нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Соловецкомъ монастырѣ, тотъ умѣетъ отлично ловить рыбу, обработывать землю, чинить сапоги; словомъ, у него есть много средствъ заработать себѣ кусокъ хлѣба.

МЕДВѢДЬ.

Въ самой чащѣ огромнаго густаго лѣса, подъ громаднымъ камнемъ, цѣлые вѣка лежащимъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, вырыта была не очень глубокая, но довольно просторная яма. Эта яма, выложенная внутри мхомъ и сухими листьями, служила жилищемъ для цѣлаго семейства, состоящаго изъ матери, старшаго сына и двухъ новорожденныхъ. Для самаго неприхотливаго человѣка такое жилище показалось-бы и тёмнымъ, и тѣснымъ, и душнымъ, но семейство, занимавшее его, находило его необыкновенно удобнымъ и вѣроятно не промѣняло-бы его на самый богатый дворецъ. Дѣло въ томъ, что семейство это состояло не изъ людей, а изъ существъ, имѣвшихъ очень мало сходства съ человѣческой породой. Мать, заботливо кормившая маленькихъ своихъ дѣтокъ, согрѣвавшая ихъ своимъ собственнымъ тѣломъ и охранявшая ихъ отъ всякой опасности была — большая сѣрая медвѣдица, новорожденные медвѣжата были маленькіе и неуклюжія созданьица еще ни разу не выходившіе на свѣтъ Божій изъ своей тёмной берлоги, а старшій медвѣжонокъ былъ ихъ годовалый братецъ, уже довольно взрослый и опытный въ житейскихъ медвѣжьихъ дѣлахъ, на не рѣшавшійся покинуть родную семью и зажить самостоятельною жизнью. Всё это семейство жило очень между собой. Развѣ старшій братецъ иногда сердито ворчалъ, когда который-нибудь изъ малютокъ, катаясь и ползая по мягкому мху устилавшему полъ гнѣзда, не совсѣмъ деликатно задѣвалъ его лапой по мордѣ или по носу. По правдѣ сказать ему казалось, что мать ужъ слишкомъ балуетъ его новорожденныхъ

братцевъ, что она поступила-бы гораздо умнѣе, если-бы оставила ихъ однихъ въ берлогѣ, а сама пошла-бы съ нимъ гулять по лѣсу, гдѣ уже показывались молоденькіе почки на деревьяхъ и пробивалась мѣстами нѣжная, весенняя травка. Но мать никакъ не раздѣляла его мнѣнія. Она большую часть времени проводила дома и только изрѣдка уходила за пищей — и то куданибудь по сосѣдству. Въ это время она оставляла его присматривать за маленькими и отпускала его прогуляться только тогда, когда сама могла сидѣть съ ними. Эти прогулки не очень-то нравились медвѣжонку: онъ не привыкъ оставаться одинъ безъ матери, ему было какъ-то страшно въ этомъ огромномъ лѣсу и потому онъ обыкновенно спѣшилъ, утоливъ голодъ, возвратиться въ тёплое гнѣздышко матери.

Наконецъ малютки подросли и окрѣпли настолько, что ихъ можно было вывести на свѣжій воздухъ. Этотъ день былъ праздникомъ для всего семейства. Маленькіе мѣдвежонки съ удивленіемъ и любопытствомъ оглядывали высокія деревья, окружавшія ихъ домъ мелкіе кустики, за которыми имъ можно было прятаться другъ отъ друга и зелёненькую травку, показавшуюся имъ гораздо красивѣе стараго сухаго мха, на которомъ они лежали до-сихъ-поръ. Старшій медвѣжонокъ похаживалъ кругомъ, лазилъ по деревьямъ, бѣгалъ взадъ и впередъ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ душной классной комнаты. Мать нѣжно поглядывала на своихъ дѣтокъ, иогда въ видѣ ласки облизывала ихъ своимъ широкимъ языкомъ и въ тоже время внимательно прислушивалась къ малѣйшему шороху, тщатедьно обнюхивала воздухъ, чтобы знать не грозить-ли какая опасность ея милому семейству. День стоялъ тёплый, солнечный, въ лѣсу все зеленѣло и разцвѣтало, ничто не нарушало мирнаго счастья медвѣжьей семьи: ея злѣйшій врагъ, человѣкъ, не выходитъ въ эту пору года на охоту: онъ знаетъ, что медвѣдица, защищающая своихъ дѣтей, звѣрь слишкомъ опасный и предпочитаетъ ждать зимы, когда мѣхъ всѣхъ лѣснымъ животнымъ становится пушистымъ и красивымъ, а добываніе его менѣе затруднительно.

Послѣ этой первой прогулки на свѣжемъ воздухѣ маленькимъ медвѣжатамъ уже скучно стало сидѣть въ своемъ гнѣздѣ и они безпрестанно просились вонъ. Мать ихъ была этому очень рада. Ей и самой казалось пріятнѣе гулять по лѣсу, чѣмъ си-

дѣть все дома да дома, а старшій медвѣжонокъ и давно ужъ хотѣлъ побывать во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя нравились ему въ прошломъ году. И семейство начало предпринимать всё болѣе и болѣе отдаленныя прогулки. Обыкновенно мать шла впереди, указывая дорогу и предостерегая отъ опасности, за ней медвѣжата еще не совсѣмъ ловко переставлявшіе свои толстыя, короткія лапы, а сзади всѣхъ старшій медвѣжонокъ, который долженъ былъ присматривать за младшими дѣтьми. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько времени, семейство располагалось на какой-нибудь лужайкѣ: мать и старшій медвѣжонокъ ѣли траву, цвѣтки, почки и молодые листья деревьевъ, а дѣти, не умѣвшіе еще сами добывать себѣ пищу, играли и рѣзвились на свободѣ. Какъ имъ весело! Они бѣгаютъ взапуски, борятся, валятъ другъ-друга на землю, пробуютъ влѣзать на деревья, падаютъ и опять лѣзутъ! Иногда старшій братъ принимаетъ участіе въ играхъ и тогда имъ еще веселѣе. Онъ гораздо умнѣе и ловче ихъ, они стараются во всемъ подражать ему и не сердятся, если ему случится иногда толкнуть, или ударить ихъ. Впрочемъ, они знаютъ, что ему строго запрещено обижать ихъ. Вздумай-ка онъ оттузить котораго-нибудь изъ малютокъ, мать проучитъ его такъ, что чудо! Она добра, очень добра, ихъ большая сѣрая маменька, но въ тоже время и строга, дѣти должны слушаться ея, и старшіе не смѣютъ обижать младшихъ. Пока малютки забавляются, мать отходитъ на нѣсколько шаговъ, чтобы промыслить имъ пищу. Пища эта состоитъ по большей части изъ какой-нибудь дичи, которую она всегда задавитъ, прежде чѣмъ поднести дѣтямъ, изъ орѣховъ и т. под. Малютки поѣдятъ, наиграются, а потомъ усаживаются чинно въ рядъ и начинаютъ что-то обдумывать. Что они думаютъ въ это время, они до-сихъ-поръ никому не разсказывали, но лица у нихъ дѣлаются необыкновенно глубокомысленными и они сосутъ свои лапы съ такимъ серьёзнымъ видомъ, что мысли ихъ должны быть не глупы.

Особенно любятъ медвѣжата, когда мать, во время прогулокъ заведётъ ихъ на берегъ ручейка, тихо журчащаго въ лѣсной чащѣ. Вопервыхъ, въ этомъ ручьѣ водится рыба, которою мать, навѣрно, угоститъ ихъ; вовторыхъ, имъ можно покупаться въ его свѣжей водицѣ. Первое время имъ страшно было спускать лапки въ воду, но когда они увидали, какъ ловко плаваетъ ихъ

мать и старшій братъ, имъ захотѣлось не отставать отъ большихъ и они попробовали, сначала очень несмѣло, добраться до матери, стоявшей въ водѣ за нѣсколько шаговъ и звавшей ихъ къ себѣ. Проба удалась, и съ этихъ поръ они очень полюбили воду. Разъ, съ однимъ изъ нихъ случилось маленькое несчастіе. Ему захотѣлось переплыть на другой берегъ, къ матери, онъ поторопился, сдѣлалъ какое-то неловкое движеніе и очутился подъ водой. Къ счастью, тутъ случился старшій братъ. Онъ схватилъ неловкаго малютку за шиворотъ и благополучно вытащилъ его на берегъ, гдѣ мать поспѣшила успокоить его ласками.

Еще было одно мѣсто въ лѣсу, куда медвѣжата очень любили ходить. Мѣсто это отстояло далеко отъ ихъ гнѣзда, но они всегда очень радовались, когда мать сворачивала къ нему. Повидимому, на этомъ мѣстѣ не было ничего привлекательнаго и оно ничѣмъ не отличалось отъ другихъ частей лѣса. Но дѣло въ томъ, что тамъ лежало большое дерево, сломанное грозой. Молнія повалила его и разщепила стволъ его на нѣсколько дранокъ. Вотъ эти-то дранки и служили забавой медвѣжатамъ. Мать становилась на заднія лапы, передними хватала одну изъ дранокъ довольно высокаго ствола, пригибала её до земли и потомъ быстро отпускала. Дранка возвращалась на прежнее мѣсто, ударялась при этомъ о другія, стоявшія рядомъ съ нею и производила пронзительный, дребезжащій звукъ. Этотъ звукъ казался не только маленькимъ медвѣжатамъ, но и матери ихъ необыкновенно привлекательнымъ, и медвѣдица готова была разъ двадцать и больше повторять одну и туже штуку съ дранкою, чтобы потѣшить имъ и себя, и дѣтей. Можетъ быть такая забава многимъ покажется не особенно умною. Что дѣлать? маленькіе медвѣжата и не хвалились особеннымъ умомъ. Они были глупы—не только по сравненію съ какими-нибудь животными, извѣстными своею понятливостью, но даже по сравненіи со своею матерью и своимъ старшимъ братомъ. Они еще не понимали, какія животныя могутъ быть опасны имъ и какихъ имъ вовсе не слѣдуетъ бояться. Разъ сидѣли они подъ кустикомъ и задумчиво сосали свои лапы, пока, старшіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ разрывали кучу земли и лакомились муравьями. Вдругъ, откуда ни возьмись зайчишка: набѣжалъ сдуру чуть не на самыхъ медвѣжатъ, да самъ такъ перетрусилъ, что отъ страху присѣлъ на свои длинныя заднія

ноги, навострилъ уши и просидѣлъ нѣсколько секундъ неподвижно на мѣстѣ, пока не опомнился и не юркнулъ въ чащу. А чтоже медвѣжата? Они сами до того перепугались невиданнаго звѣря, что встали на заднія лапы (Богъ знаетъ, почему такое положеніе показалось имъ наиболѣе безопаснымъ) и простояли такимъ образомъ до-тѣхъ-поръ, пока заяцъ не скрылся въ чащѣ. Медвѣжата были глупы, они, должно быть, сами сознавали это, потому-что не прочь были поучиться уму-разуму. Ученье это доставалось имъ безъ особеннаго труда: чтобы становиться умнѣе, имъ не нужно было заучивать длинные уроки или выслушивать скучныя нотаціи, имъ достаточно было присматриваться къ тому, что дѣлалось вокругъ нихъ. Когда они увидали, какъ быстро убѣгаетъ перепугавшій ихъ длинноухій звѣрёкъ отъ ихъ матери, они перестали бояться его; когда они замѣтили, что мать ихъ не просто роетъ землю, а иногда вытаскиваетъ изъ нея муравьевъ, вкусъ которыхъ имъ очень понравился, они также стали рыть муравейники; когда разъ въ лѣсу послышался непріятный запахъ пороха и, вслѣдъ затѣмъ, среди всѣхъ птицъ и звѣрьковъ поднялась суматоха, а мать велѣла имъ бѣжать, какъ можно скорѣй—и сама побѣжала за ними, они поняли, что этого пороховаго запаха слѣдуетъ бояться.

Такимъ образомъ, медвѣжата понемногу пріобрѣтали разныя полезныя знанія, необходимыя имъ въ жизни; вмѣстѣ съ этимъ они пріобрѣтали и нѣкоторую ловкость. Мать учила ихъ и плавать, и лазить по деревьямъ, и доставать пищу, и находить для себя въ лѣсу удобныя мѣста. Къ концу лѣта оба они уже значительно выросли, стали ростомъ съ добраго пуделя и поумнѣли настолько, что почти могли-бы жить безъ помощи матери. Однако-же они не оставляли ее, да и сама она, какъ кажется, вовсе не желала разставаться съ ними. Во время странствій по лѣсу имъ случалось иногда встрѣчать и другихъ медвѣдей, но тѣ не обращали на нихъ никакого вниманія. При такихъ встрѣчахъ мать часто уходила погулять съ новыми знакомыми, а дѣтей оставляла однихъ, впрочемъ, не надолго: она всегда возвращалась къ нимъ, или ихъ подзывала къ себѣ. И медвѣжата надѣялись, что добрая маменька всю жизнь будетъ заботиться о нихъ такъ, какъ заботилась до сихъ поръ. Настала пора орѣховъ, они были уже настолько ловки, что могли сами-себѣ добывать вкусные орѣшки;

это очень забавляло ихъ, они наѣдались орѣхами досыта, а потомъ весело играли и рѣзвились, не предвидя, что скоро въ жизни ихъ должна произойти перемѣна.

Солнце свѣтило уже не такъ ярко, какъ лѣтомъ, небо часто покрывалось темными тучами, крупныя, холодныя капли дождя съ шумомъ били деревья, листья желтѣли и валились на землю, по временамъ въ воздухѣ становилось холодно, даже почти морозно. Медвѣжата замѣчали все это, но мало заботились объ этой перемѣнѣ погоды. Тёплыя шубки достаточно согрѣвали ихъ пока, въ пищѣ они не терпѣли никакого недостатка, а до прочаго имъ и дѣла не было. Но мать ихъ, какъ они скоро замѣтили, думала иначе. Она чего-то, видимо, искала въ лѣсу: иногда она уводила ихъ безъ всякой причины съ такого мѣста, которое имъ нравилось, въ другой разъ вдругъ останавливалась тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, не было ничего интереснаго. Наконецъ, она, повидимому, нашла то, что ей было нужно: довольно большую и глубокую яму. На дно этой ямы она начала накладывать мохъ и листья. Медвѣжата совсѣмъ забыли то гнѣздо, гдѣ они провели первыя недѣли своей жизни, и потому никакъ не могли понять, что дѣлаетъ мать. Однако они, по мѣрѣ силъ, помогали ей и скоро на днѣ ямы образовалось четыре довольно удобныя постели. Послѣ этого медвѣдица принялась таскать хворостъ и закрывать имъ яму сверху. Къ тому времени, какъ была окончена и эта работа, медвѣжата начали чувствовать, что шубки недостаточно предохраняютъ ихъ отъ холоднаго воздуха, имъ какъ-то стало лѣнь бѣгать и они начали подумывать, что не худо-бы спокойно полежать и отдохнуть гдѣ-нибудь въ тепленькомъ мѣстѣчкѣ. Когда яма была совсѣмъ закрыта сверху, они сами даже безъ приглашенія матери вскочили въ нее и попробовали лечь на приготовленныя въ ней постельки. Постельки оказались очень удобными и медвѣжата почувствовали, что лучшаго убѣжища противъ непогоды имъ не найти. Мать также вошла въ яму вслѣдъ за ними, и потомъ тщательно закрыла отверстіе прутьями и мхомъ, оставивъ только маленькую дырочку для воздуха. Теперь уже ни снѣгъ, ни вѣтеръ, ни дождь не могли проникать въ жилище медвѣдей и они лежали всѣ четверо такъ тихо и спокойно, что со стороны ихъ можно-бы было принять за мертвыхъ.

Пошолъ снѣгъ и густымъ слоемъ покрылъ ихъ хижину, но подъ этимъ слоемъ имъ было еще теплѣе и лучше.

Время шло незамѣтно для медвѣжьей семьи. Цѣлую зиму не принимала она никакой пищи, цѣлую зиму провела въ какомъ-то полуснѣ. Но вотъ весеннее солнышко начало понемногу отогрѣвать землю. Подъ лучами его стаялъ снѣгъ, покрывавшій медвѣжью берлогу: медвѣжата проснулись, имъ захотѣлось на волю. У матери ихъ родилось еще троё дѣтокъ и такимъ образомъ семья значительно увеличилась. Но медвѣдицѣ это не нравилось: она находила, что ей довольно дѣла и съ новорожденными, а что старшіе могутъ уже сами о себѣ позаботиться. И вотъ она, безъ лишнихъ церемоній, прогнала отъ себя и самаго старшаго медвѣжонка и одного изъ прошлогоднихъ, а другого оставила при себѣ присматривать за малютками. Грустно побрели по лѣсу два молодые медвѣжонка, выгнанные изъ родительскаго дома. Впрочемъ, грусть ихъ продолжалась недолго. Голодъ мучилъ ихъ послѣ зимняго поста, и они прежде всего стали думать, какъ-бы утолить его. Травы было еще очень мало, но они не брезгали ничѣмъ, вырывали изъ земли коренья нѣкоторыхъ растеній, объѣдали молоденькія вѣточки деревьевъ, отыскивали валявшіеся на землѣ орѣхи и такимъ образомъ не оставались безъ пищи. Ходить вдвоёмъ имъ было безопаснѣе и веселѣе, чѣмъ по одиночкѣ и потому они не разставались. Попадись имъ на встрѣчу еще такой-же молоденькій медвѣдь и они пригласили-бы его также въ свою компанію, но медвѣдя не попадалось и братцы должны были довольствоваться обществомъ другъ друга. Они жили очень мирно и счастливо. Съ каждымъ днемъ открывали они въ лѣсу какія-нибудь новыя растенія, которыя могли служить имъ пищей и такъ-какъ они были сыты, то имъ не было надобности заниматься хищничествомъ и промышлять разбоемъ. Лѣтомъ они открыли себѣ одно очень вкусное кушанье. Разъ гуляя въ лѣсу, они почуствовали какой-то необыкновенно пріятный запахъ и скоро увидѣли, что запахъ этотъ выходилъ изъ пчелинаго улья. Они встали на заднія лапы и попробовали меду, онъ очень понравился имъ. Правда, добывать его нельзя было вполнѣ безнаказанно: трудолюбивыя пчолы всѣми силами защищали свое добро и густымъ роемъ окружали хищниковъ, стараясь прогнать ихъ уколами своихъ жалъ; но у медвѣдей

была такая толстая шкура, что они едва обращали вниманіе на эти уколы. Нѣсколько пчолъ догадались вонзить свои ядовитыя жала имъ прямо въ носъ, тутъ они дѣйствительно почувствовали боль, но все-таки продолжали лакомиться медомъ, и только ворчали, да трясли головами на своихъ неустрашимыхъ преслѣдовательницъ. Съ этихъ поръ братцы стали часто посѣщать пчелиный улей. Не предвидѣли они, какъ дорого обойдутся эти посѣщенія одному изъ нихъ! Дѣло было уже въ началѣ осени. Побродивъ по лѣсу и налакомившись ягодами, которыхъ имъ удалось найти въ этотъ день особенно много, медвѣди пошли, по своему обыкновенію, къ пчелиному улью. Старшій шолъ впереди и первый хотѣлъ сунуть морду въ улей. Но вотъ бѣда! отверзтіе было загорожено тяжолой колодой. Медвѣдь со всей силы толкнулъ колоду, она была привѣшена на веревкѣ и потому отодвинулась въ сторону и затѣмъ вернулась на прежнее мѣсто, ударивъ изо всей силы медвѣдя по головѣ. Это разсердило Мишку, онъ съ новой силой оттолкнулъ колоду и получилъ новый, еще болѣе чуствительный, ударъ. Упрямый звѣрь ни за что не хотѣлъ уступить своему таинственному непріятелю, и между ними завязалась борьба, которая со стороны могла показаться смѣшною, но которая кончилась весьма печально для глупаго Мишки: онъ приходилъ все въ большую и большую ярость и, вслѣдствіе этого, наносилъ самъ-себѣ все болѣе и болѣе сильные удары; въ концѣ-концовъ онъ не могъ вынести ихъ и упалъ на землю ошеломленный ими, полумертвый. Въ такомъ видѣ нашелъ его хозяинъ пчельника, давно подстерегавшій хищника, лакомившагося его медомъ. Онъ окончательно добилъ медвѣдя и содралъ съ него шкуру, мѣхъ которой былъ не такъ густъ, какъ бываетъ зимой, но все-таки вознаградилъ его за потерянный медъ.

А чтоже дѣлалъ въ это время младшій медвѣжонокъ? Увы! мы должны сознаться, что онъ вовсе не велъ себя героемъ! Замѣтивъ, что около пчольника что-то не ладно и что брату его приходится вести борьбу съ какимъ-то страннымъ существомъ, онъ постоялъ нѣсколько времени спокойно на мѣстѣ, раздумывая, какъ помочь брату. Этого мудренаго вопроса его медвѣжьей головѣ было не рѣшить, поэтому онъ попробовалъ позвать брата, но когда тотъ не отвѣчалъ, а удары колоды становились все сильнѣе и сильнѣе, нашъ медвѣжонокъ струсилъ. Онъ былъ сытъ,

медъ не особенно привлекалъ его и вотъ онъ разсудилъ за благо удалиться по добру по здорову, пока колода не добралась и до его головы. Такимъ образомъ, онъ не видалъ печальной кончины своего брата и успѣлъ спасти свою собственную шкуру.

Теперь ужъ нашему медвѣжонку пришлось жить совсѣмъ одному и заботиться самому о себѣ. Счастье благопріятствовало ему, люди, жившіе вокругъ лѣса, не подозрѣвали о его существованіи, и потому ему удалось прожить этотъ годъ безъ всякой бѣды. Съ наступленіемъ холодовъ онъ забрался въ небольшую пещеру въ горѣ, покрытой лѣсомъ, и, устроивъ себѣ постельку изъ мху и листьевъ, спокойно заснулъ до слѣдующей весны.

И вотъ настала эта весна, третья въ жизни нашего медвѣжонка, и онъ вылѣзъ изъ своей берлоги уже довольно взрослымъ медвѣдемъ. Слѣдить шагъ за шагомъ за всею жизнью его мы не беремся, такъ-какъ жизнь эта была, подобно жизни всей его лѣсной братьи, довольно однообразна, но мы разскажемъ нѣсколько приключеній, случившихся съ нимъ. Прежде, однако, не лишнимъ будетъ описать его наружность, чтобы, читая похожденія его, всякій легче могъ вообразить его себѣ. Ростомъ нашъ Мишка не великъ, онъ еще значительно выростетъ; но теперь, когда ему всего четвертый годъ, онъ немногимъ больше обыкновенной дворовой собаки. Шерсть на немъ сѣровато-бураго цвѣта, довольно длинная и густая, впрочемъ, только зимой, лѣтомъ-же очень неприглядная. Тѣло его толсто и неуклюже съ виду, шея короткая и толстая, голова продолговатая съ заостренной мордой. На толстыхъ лапахъ его по пяти пальцевъ, съ большими, кривыми, невтягивающимися, когтями; подошвы у него голыя и при ходьбѣ онъ опирается на землю всей ступней. Если мы прибавимъ къ этому короткій хвостъ, маленькіе уши и небольшіе глаза, то будемъ имѣть полный, хотя не особенно привлекательный, портретъ нашего героя. Глядя, какой неуклюжей походкой бредетъ нашъ Мишка, всякій назоветъ его и неловкимъ, и неповоротливымъ, но это будетъ несправедливо: если ему нужно для избавленія отъ опасности или для охоты за добычей бѣжать, онъ побѣжитъ и быстро, и легко, если нужно влѣзть на дерево, онъ полѣзетъ очень ловко, особенно если дерево гладко, не сучковато: сучковатыхъ деревьевъ онъ не долюбливаетъ, подъ его тяжестью часто обламываются и вѣтви, и сучья, и потому онъ не

довѣряетъ имъ; если нужно сдѣлать скачокъ, онъ его сдѣлаетъ вполнѣ искусно.

Въ самый первый годъ своей самостоятельной жизни ему пришлось дать множество доказательствъ и своей ловкости, и быстроты своего бѣга. Первое время, онъ, какъ мы видѣли, кормился больше растительною пищей и былъ совершенно доволенъ. Но вотъ, случилось какъ-то разъ, что онъ сильно проголодался и вблизи не было тѣхъ растеній, которыя онъ любилъ ѣсть. Мишка ужъ собирался отправиться куда-нибудь въ дальній походъ, вдругъ, откуда ни возьмись, очень молоденькій зайчикъ выскочилъ изъ-за куста и остановился на мѣстѣ. Не долго думая, нашъ Мишка быстро набросился на него и вмигъ разтерзалъ маленькаго звѣрька. Эта закуска не вполнѣ утолила голодъ медвѣдя, но она показалась ему гораздо вкуснѣе всякихъ растеній, и съ этихъ поръ, онъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ всѣхъ маленькихъ звѣрьковъ лѣса.

Не безъ труда доставалась ему добыча; иногда съ добрыхъ полчаса приходилось ему подстерегать, спрятавшись за кустомъ, какого-нибудь звѣрушку, иногда онъ пробѣгалъ безъ отдыха нѣсколько верстъ, гоняясь за какой-нибудь дичью, но это не надоѣдало ему и не утомляло его. На большихъ звѣрей, вродѣ напримѣръ волковъ, онъ никогда не нападалъ, напротивъ, старался по возможности держаться дальше отъ нихъ, но зато маленькія животныя составляли для него настоящее лакомство. Не думайте, впрочемъ, что, избравъ себѣ новый родъ пищи, нашъ Мишка отказался отъ стараго. Нимало: онъ продолжалъ съ прежнимъ аппетитомъ ѣсть и растенія, и орѣхи, и мёдъ, и личинки насѣкомыхъ, и рыбу. Разъ ему удалось достать себѣ рыбный столъ почти безъ всякаго труда. Подходитъ онъ какъ-то рано утромъ, еще до восхода солнца, къ рѣкѣ, на опушкѣ лѣса, смотритъ, на берегу лежитъ рыбачья сѣть, а рыбаковъ нѣтъ, должно-быть отлучились куда-нибудь. Нашъ Мишка тотчасъ-же воспользовался ихъ оплошностью: развернулъ сѣть и принялся таскать изъ нея рыбу. Ее было такъ много, что онъ ограничился только самыми лакомыми для себя кусочками, отъѣлъ рыбьи головы, а все прочее оставилъ настоящимъ хозяевамъ. Такой легкій способъ добыванія пищи, очень понравился медвѣдю и черезъ нѣсколько дней, онъ снова направился къ рѣкѣ, въ надеждѣ найти такую-же богатую поживу. Однако онъ ошибся въ раз-

счотѣ, ему не удалось полакомиться рыбой, мало того, здѣсь онъ въ первый разъ узналъ, что такое человѣкъ. Осторожными, медленными шагами пробирался онъ къ берегу рѣки; онъ дошолъ уже до самой опушки лѣса, вдругъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него—рыбакъ. Нашъ Мишка, хотя ему уже былъ 6-й годъ, никогда еще въ жизни не видывалъ такихъ странныхъ, двуногихъ существъ, одѣтыхъ вмѣсто мѣха въ какія-то тряпки, и потому съ удивленіемъ остановился. Обоняніе показывало ему, что у этого страннаго существа вкусное мясо, которымъ не худо-бы полакомиться, но не зная силъ этого новаго звѣря, онъ не рѣшался сразу напасть на него. Что испытывалъ въ эти минуты рыбакъ, безоружный, встрѣтившійся такъ неожиданно со страшнымъ звѣремъ, всякій легко можетъ себѣ представить. Но онъ былъ человѣкъ не робкаго десятка. Присутствіе духа ни на секунду не оставило его. У него не было оружія для борьбы съ врагомъ, но онъ рѣшился смутить его своимъ безстрашіемъ и выиграть время, пока подойдутъ другіе рыбаки. Онъ остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный, и смотрѣлъ прямо въ глаза медвѣдю. Этотъ пристальный взглядъ, эта неподвижность не нравились Мишкѣ. Онъ привыкъ, что всѣ звѣри, служившіе ему пищей бѣгали отъ него, а это странное существо и не думаетъ бѣжать. «Онъ должно быть силенъ, не дать-ли тягу»,—мелькнуло въ головѣ медвѣдя,—но нѣтъ, запахъ человѣческаго мяса былъ слишкомъ соблазнителенъ; Мишкѣ жалко было такъ легко разстаться съ добычей. Между-тѣмъ рыбакъ, не переставая пристально глядѣть прямо въ глаза своему непріятелю, началъ тихонько отступать назадъ къ своей хижинѣ. Медвѣдь слѣдовалъ за нимъ шагъ за шагомъ, останавливаясь, когда онъ останавливался. Такъ прошли они сажень десять. Рыбакъ былъ блѣденъ, какъ полотно, но ничѣмъ другимъ не выказывалъ своего волненія. Медвѣдя эта штука начинала сердить и въ тоже время безпокоить. Онъ начиналъ глухо ворчать, глаза его наливались кровью; вдругъ изъ хижины рыбака вышли три его товарища. Увидя страшнаго звѣря они громко вскрикнули и бросились впередъ на защиту своего друга. Но ужъ этого не нужно было. Ихъ внезапное появленіе, и въ особенности ихъ громкій крикъ до того перепугали Мишку, что онъ быстро повернулъ назадъ и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать въ глубь лѣса, думая ужъ не о добычѣ, а о томъ какъ-бы только

спасти свою собственную шкуру. Его провожалъ дружный смѣхъ обрадованныхъ рыбаковъ и надолго въ умѣ Мишки осталось воспоминаніе о томъ, что странное двуногое существо — звѣрь сильный, хотя можетъ быть и вкусный. Онъ пересталъ ходить къ рѣкѣ и вообще перебрался въ другую часть лѣса, гдѣ никто не тревожилъ его, гдѣ всѣ звѣри были меньше его и потому ему некого было бояться. Тамъ онъ былъ полнымъ господиномъ и могъ вести самую привольную жизнь. Днемъ, во время жаровъ, онъ обыкновенно спалъ гдѣ-нибудь въ чащѣ, и ужъ послѣ захода солнца выходилъ на промыселъ. Пищи у него было такъ много, что онъ иногда позволялъ себѣ прогулки и просто для удовольствія, хотя, и во время такихъ прогулокъ, онъ никогда не проходилъ мимо какой-нибудь кучи листьевъ, не обнюхавъ ее, или мимо муравейника, не полакомившись куколками муравьевъ, или самыми муравьями. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ нашего медвѣдя была гора, съ одной стороны покрытая лѣсомъ, съ другой кончавшаяся довольно крутымъ обрывомъ. Мишка подходилъ къ этому обрыву, бралъ въ переднія лапы камень и бросалъ его внизъ. Камень скатывался съ горы и на пути подталкивалъ другіе камни, которые летѣли вмѣстѣ съ нимъ. Это необыкновенно забавляло глупаго звѣря. Онъ слѣдилъ глазами за каждымъ катившимся камнемъ и иногда спускалъ ихъ такимъ образомъ, штукъ по десяти, по пятнадцати.

Разъ, прогуливаясь на своей любимой горѣ, медвѣдь замѣтилъ въ одной сторонѣ, недалеко отъ подошвы ея большое стадо коровъ. При видѣ такого множества лакомыхъ кусочковъ, онъ даже облизался отъ удовольствія. Однако напасть на цѣлое стадо, среди котораго виднѣлись быки съ грозными рогами и вокругъ котораго похаживалъ пастухъ съ длиннѣйшимъ бичомъ, да большая собака, показалось медвѣдю дѣломъ слишкомъ рискованнымъ,—онъ любилъ лакомиться, не подвергая жизнь свою опасности. И вотъ онъ, не спускаясь съ горы, выбралъ себѣ такое мѣстечко, откуда все стадо вполнѣ видно было ему, и сталъ поджидать. Настала пора коровамъ идти домой. Пастухъ погналъ свое стадо, а самъ шолъ сзади о чемъ-то задумавшись и обращая на него мало вниманія. Коровы разбрелись по кустамъ и медленно подвигались впередъ, позвякивая своими колокольцами. Собака бѣгала взадъ и впередъ, подгоняя отставшихъ, но собрать все стадо было

для нея не легко. Одна молоденькая телочка, зашла въ небольшой оврагъ и найдя тамъ очень вкусную траву занялась ею до того, что не видала, какъ всѣ ея подруги, обогнувъ гору, вышли на дорогу, которая вела прямо къ деревнѣ. Ни пастухъ, ни собака не замѣтили ея отсутствія, но медвѣдь изъ своей засады видѣлъ все. Быстро сбѣжалъ онъ съ горы, спустился въ оврагъ, схватилъ корову и точно также быстро помчался съ ней назадъ въ лѣсъ. Когда, полчаса спустя, пастухъ пришолъ искать пропавшую телушку, онъ не увидѣлъ и слѣдовъ ея; еслибы онъ пошолъ дальше въ лѣсъ, онъ можетъ быть наткнулся-бы на медвѣдя, пожиравшаго свою добычу.

Коровье мясо показалось медвѣдю очень вкуснымъ и съ этихъ поръ онъ часто устроивалъ на горѣ засаду; такимъ образомъ, ему удалось перетаскать въ лѣсъ нѣсколько овецъ и одного козленка. Онъ похищалъ ихъ такъ ловко, что пастухъ даже не замѣчалъ его продѣлокъ: онъ воображалъ, что скотина сама заходитъ въ лѣсъ, отставши отъ стада, и тамъ попадаетъ въ зубы какому-нибудь хищнику. Разъ пропала такимъ образомъ овца старосты деревни, онъ сильно разсердился на невнимательнаго пастуха и приказалъ ему во что-бы-то ни стало найти пропавшую скотину. Пастухъ взялъ въ руки дубину и направился въ лѣсъ. Было довольно поздно, солнце давно зашло и луна освѣщала своимъ серебристымъ блескомъ высокія деревья. Бѣдный пастухъ шолъ, грустно озираясь кругомъ, заглядывая въ каждый оврагъ, за каждый кустъ, нигдѣ не видно было пропавшей овцы, а между-тѣмъ ему грозило наказаніе, если онъ не найдетъ ее. Занятый только мыслью о своей пропажѣ, онъ углублялся все дальше и дальше въ лѣсъ. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него поднялся огромный косматый медвѣдь. Пастухъ обомлѣлъ отъ страха. Медвѣдь сталъ на заднія лапы, заревѣлъ, раскрылъ свою огромную пасть, оскалилъ зубы. Не помня себя отъ ужаса пастухъ повернулъ назадъ и бросился бѣжать, что было силъ. Медвѣдь погнался за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ несчастный чувствовалъ, что звѣрь почти настигъ его. Самъ не зная, что дѣлаетъ, пастухъ схватилъ свою шапку и бросилъ ее прямо въ морду звѣрю. Медвѣдь остановился. Онъ взялъ въ переднія лапы шапку и началъ пристально, съ любопытствомъ разглядывать этотъ странный предметъ. Повертѣвъ ее въ разныя стороны, онъ принялся

рвать ее зубами и черезъ нѣсколько минутъ отъ шапки остались одни клочья. Пастухъ, между тѣмъ радуясь, что выигралъ время, бѣжалъ все скорѣе и скорѣе. Медвѣдь замѣтилъ наконецъ свою оплошность, бросилъ остатки шапки въ сторону и снова погнался за своей добычей. Ему не трудно было опять нагнать пастуха и снова жизнь несчастнаго висѣла на волоскѣ. Пастухъ въ отчаяніи, не зная что дѣлать вытащилъ изъ-за пояса рукавицу и бросилъ ее медвѣдю. Медвѣдь заинтересовался ею также, какъ шапкой и провелъ минуты три въ разглядываньи и внимательномъ обнюхиваньи ее. Только-что онъ побѣжалъ опять за пастухомъ, вторая рукавица упала у самыхъ ногъ его и заинтересовала его не менѣе первой. Пастухъ все бѣжалъ, но силы окончательно оставляли его. До жилья было далеко, ему нечего было больше бросать медвѣдю, чтобы удерживать его, и онъ чувствовалъ, что спасенья ждать неоткуда. Онъ слышитъ, что медвѣдь оставилъ послѣднюю рукавицу и опять гонится за нимъ. Обезсиленный совершенно онъ упалъ на землю; вдругъ ему вспомнились разсказы о томъ, что можно спастись отъ нихъ притворяясь мертвымъ. Несчастный ухватился за эту мысль, какъ за единственное средство спасенія. Онъ легъ совершенно неподвижно и всѣми силами удерживалъ дыханіе. Медвѣдь подбѣжалъ къ нему, остановился и принялся обнюхивать его съ головы до ногъ; потомъ попробовалъ толкнуть его лапой, перевернулъ его на бокъ, опять обнюхалъ и наконецъ убѣдился, кажется, что имѣетъ дѣло съ мертвымъ. Тогда онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, сгребъ передними лапами кучу сухого хвороста и наложилъ его на пастуха. Пастухъ, дѣйствительно полумертвый отъ страха, не шевельнулся. Медвѣдь продолжалъ накладывать на него хворостъ и листья до тѣхъ поръ, пока не закрылъ его совсѣмъ. Похоронивъ такимъ образомъ мнимаго мертвеца звѣрь удалился спокойными шагами. Пастухъ пролежалъ подъ своей покрышкой съ добрыхъ полчаса, все еще не смѣя шевельнуться. Наконецъ, онъ рѣшился высунуть голову изъ подъ хвороста и оглядѣться кругомъ. Въ лѣсу все было тихо, луна свѣтила полнымъ блескомъ, медвѣдя нигдѣ не было видно. Тихонько, осторожно вылѣзъ несчастный пастухъ изъ-подъ хвороста, еще разъ оглядѣлся кругомъ и быстрыми шагами пошелъ домой, безпрестанно озираясь—не слѣдуетъ-ли за нимъ страшный звѣрь. При-

дя въ деревню онъ разсказалъ о всемъ, что видѣлъ и испыталъ въ эту ночь и мужики рѣшили подстеречь и какъ можно скорѣе убить хищника, таскавшаго ихъ скотъ. Еслибы Мишка вздумалъ еще разъ прогуляться на свою любимую гору, ему-бы не сдобровать. Но, къ счастью для него, онъ охотился нѣсколько дней въ другой сторонѣ, а тамъ наступили холода и пришлось убираться въ берлогу.

Въ этотъ годъ нашъ медвѣдь не нашолъ ни пещеры, ни ямы, въ которыхъ ему было-бы удобно помѣститься, и потому онъ устроилъ себѣ изъ вѣтвей и моху что-то въ родѣ шалаша и залѣзъ туда, надѣясь провести смирно и спокойно зимніе мѣсяцы. Надеждѣ его не суждено было осуществиться: крестьяне той деревни, гдѣ жилъ напуганный имъ пастухъ, не забыли его набѣговъ на ихъ стада и рѣшились раздѣлаться съ нимъ. Какъ только настала зима и земля покрылась снѣгомъ, они предприняли походъ противъ недруга. Мишка спокойно лежалъ въ своей берлогѣ и непредчувствовалъ бѣды. Вдругъ, однажды утромъ, его разбудилъ неожиданный шумъ. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ окружило его берлогу, у отверзтія ея воткнуты были крѣпкіе колья, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояли охотники, держа ружья на готовѣ. Сначала медвѣдь сообразилъ, что лучше не выходить изъ берлоги и лежать въ ней смирно, не обращая вниманія на то, что дѣлалось вокругъ него. Тогда, охотники стали разламывать ту сторону берлоги, гдѣ было отверзтіе и принялись дразнить звѣря, держа наготовѣ и ружья, и большіе ножи.

Медвѣдю надоѣла эта возня: онъ быстро высунулъ голову изъ берлоги, но испугавшись всего, что увидѣлъ, также живо спряталъ ее назадъ. Онъ не могъ болѣе оставаться на мѣстѣ, но не смѣлъ и идти туда, гдѣ блестѣли ножи и ружья. Опасность придала ему сообразительность и увеличила его силы; онъ въ одну минуту разломалъ крышу своей берлоги, и, прежде чѣмъ неопытные охотники успѣли догадаться—въ чомъ дѣло, выскочилъ изъ нее и пустился бѣжать въ противоположную сторону отъ той, гдѣ его ждали. Все это было сдѣлано такъ быстро, что крестьяне окружавшіе берлогу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, не успѣли приготовиться къ встрѣчѣ со звѣремъ, а между-тѣмъ медвѣдь, ставъ на заднія лапы, со страшнымъ ревомъ бросился прямо на одного изъ нихъ; однимъ ударомъ своей сильной лапы онъ вы-

шибъ рогатину, которую крестьянинъ держалъ въ рукѣ, и обхватилъ несчастнаго передними лапами. Крестьянинъ былъ человѣкъ очень сильный. Онъ не потерялъ присутствія духа и не хотѣлъ погибнуть безъ боя. Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы избавиться отъ ужасныхъ объятій и оттолкнуть звѣря; черезъ нѣсколько секундъ ему удалось высвободить правую руку, выхватить ножъ, бывшій у него за поясомъ и всунуть его медвѣдю въ грудь. Медвѣдь зарычалъ, но рана была не сильна, онъ повалилъ крестьянина на землю и вонзилъ свои страшные когти въ его плечи; несчастный закрылъ глаза и готовился къ смерти. Но въ эту минуту раздался выстрѣлъ подоспѣвшаго охотника. Медвѣдь страшно заревѣлъ, сдѣлалъ какое-то судорожное движеніе лапой, при чемъ содралъ всю кожу съ руки своей жертвы, и затѣмъ пустился бѣжать. Вслѣдъ за нимъ, раздался еще выстрѣлъ и капли крови, обозначившія на снѣгу слѣдъ раненаго звѣря, показали, что этотъ выстрѣлъ тоже попалъ въ цѣль. Охотники не спѣшили преслѣдовать медвѣдя: они знали, что онъ раненъ смертельно, что онъ все-равно отъ нихъ не уйдетъ.

И, дѣйствительно, полчаса спустя они безъ труда нашли трупъ нашего Мишки. Весело смѣясь и разсказывая другъ-другу все, что испытали въ этотъ день, они сняли шкуру съ медвѣдя, любуясь ея величиной и густотой ея мѣха; никто изъ нихъ не вздумалъ пожалѣть бѣднаго Мишку, такъ рано окончившаго свои дни.

А. Анненская.

ПРОГРЕССЪ ЗНАНІЯ.

(Притча природы,—по англійскому оригиналу).

Вѣтеръ ворвался въ открытое окно комнаты, зашелестилъ портьерой и произвелъ сильнѣйшій шумъ во всей комнатѣ.

Эта комната была кабинетомъ натуралиста и къ сожалѣнію большія коробки и фоліанты, наполненные образцами разныхъ морскихъ произведеній были положены на край письменнаго стола, такъ-что когда дверь захлопнулась, то они упали, и морскія растенія, раковины и т. п. предметы разсыпались по полу.

— Вотъ мы и опять встрѣтились, — сказалъ Зоофитъ Водоросли, вмѣстѣ съ которой онъ былъ выброшенъ на берегъ,—да, вотъ мы опять встрѣтились съ тобой и, признаюсь, это совершенно неожиданное для меня удовольствіе. Сколько странныхъ приключеній мы пережили съ той поры, какъ волны выбросили насъ на песокъ.

— Да, ты правъ,—возразила Водоросль,—мы пережили много удивительнаго и теперь очутились въ очень странномъ мѣстѣ.

— Но, скажи мнѣ сначала, какъ ты себя чувствуешь сегодня послѣ всего обмыванія, высушиванія, выжиманія и прикливанья, которымъ мы подвергались.

— Я здоровъ, Водоросль; но мнѣ очень грустно. Ты знаешь, что между мной и тобой большая разница. У тебя нѣтъ причины скучать. Ты осталась тѣмъ-же, чѣмъ ты была, ты только не будешь больше расти. Но я, я сталъ скелетомъ. Всѣ веселенькія

маленькія существа, обитавшія во мнѣ умерли и высохли. Они умирали сотнями, когда я оставилъ море; но еслибы они и прожили долѣе, то та противная прѣсная вода въ которую насъ опустило «ужасное существо», поднявшее насъ, убила-бы ихъ мгновенно. Чему-же ты смѣешься?

— Мнѣ смѣшно, — сказала Водоросль, — что ты называешь нашего новаго хозяина «ужаснымъ существомъ» и такъ положительно говоришь о маленькихъ существахъ, обитавшихъ въ тебѣ.

— Отчего-же мнѣ и не говорить положительно о томъ, что я такъ хорошо знаю?—спросилъ Зоофитъ.

— Конечно, ты можешь говорить о томъ, что ты знаешь, Зоофитъ. Но, право, трудно опредѣлить, что мы знаемъ. Люди иногда убѣждены въ непогрѣшимости своихъ знаній и вдругъ имъ приходится разочаровываться.

— Кто внушилъ тебѣ эти мысли, — спросилъ Зоофитъ.

Водоросль отвѣчала:—Я научилась имъ у одного очень интереснаго существа, съ которымъ я познакомилась здѣсь, у Книжнаго Скорпіона. Онъ свободно гуляетъ по всѣмъ книгамъ здѣшней библіотеки, собираетъ множество свѣдѣній и знаетъ очень много. А онъ говоритъ, что онъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, кто поднялъ насъ и кого ты зовешь ужаснымъ существомъ. Мой дорогой другъ, Книжный Скорпіонъ, говоритъ, что насъ нашолъ человѣкъ и что человѣкъ самое удивительное и безподобное существо во всемъ мірѣ. А человѣкъ, нашедшій насъ, натуралистъ, т. е. онъ знаетъ все о живыхъ существахъ, о растеніяхъ, о камняхъ и я ужъ право не знаю о чомъ еще. Неправда-ли, теперь ты согласенъ со мной, въ томъ, что для насъ большая честь принадлежать ему и быть знакомымъ съ его другомъ, Книжнымъ Скорпіономъ?

— Конечно, конечно, я вполнѣ согласенъ съ тобой,—сказалъ Зоофитъ.

— Хорошо,—продолжала его собесѣдница,—я знала, что ты согласишься, а все-таки увѣряю тебя, что этотъ натуралистъ и Книжный Скорпіонъ подтверждаютъ мои слова. Они воображаютъ, что они знаютъ рѣшительно все и упрямо держатся самыхъ смѣшныхъ заблужденій!

— Мой добрый другъ, Водоросль, можете-ли вы судить о такихъ вещахъ?

— Отчего нѣтъ?—возразила Водоросль.—Отгадайте-ка, о чомъ мы спорили сегодня утромъ съ Книжнымъ Скорпіономъ? О томъ, животное я, или растеніе? Онъ утверждаетъ, что я животное, наполненное такими-же маленькими, живыми существами, какъ тѣ, которыя обитали въ васъ и что объ этомъ написанъ длинный отчотъ на страницѣ, противоположной той, на которой я наклеена.

— Изъ всѣхъ пустяковъ, которые я когда-либо слышалъ...—началъ Зоофитъ сердито, но Водоросль прервала его:

— Чтоже касается до тебя, то мнѣ стыдно признаться тебѣ, что тебя и все твое семейство долго считали растеніями. Эти натуралисты только недавно открыли, что ты животное. Вотъ и выходитъ, что я была права, говоря, что люди упрямо держатся своихъ заблужденій. Меня такъ смущаютъ эти ошибки.

— О, какъ я разочаровался!—пробормоталъ Зоофитъ,—я думалъ, что я попалъ въ руки интересныхъ существъ. Мнѣ очень, очень грустно. Я былъ такъ счастливъ, думая, что есть удивительныя, умныя существа, проводящія время въ изслѣдованіи животной и растительной жизни и которыя такъ заботливо сохраняютъ насъ въ этихъ прекрасныхъ книгахъ. Мнѣ такъ нравилось все это, а теперь я вижу, что эти удивительно-умныя существа удивительно глупы.

— Да, они очень глупы,—засмѣялась Водоросль,—хотя нашъ ученый другъ, Книжный Скорпіонъ, скажетъ намъ иное; но онъ просто заговаривается, бѣдняга, разсказывая о нихъ.

— Смѣяться надъ тѣми, кто выше насъ очень легко,—сказалъ странный голосъ и Книжный Скорпіонъ, проѣвшій корешокъ книги лорда Бэкона «объ успѣхахъ знанія», появился на внѣшней сторонѣ и вслушался въ разговоръ.—Я сожалѣю о томъ, что говорилъ съ тобой, такъ-какъ всѣ вы злоупотребляете той крупицей знанія, которую вы пріобрѣли.

— Извини меня, дорогой другъ!—закричала Водоросль,—я, право, не думала никому повредить. Видишь-ли, намъ такъ рѣдко приходится научиться чему-нибудь, что, право, мой смѣхъ можно извинить. Я не хотѣла никому вредить; но я знаю навѣрно, что во мнѣ никогда не жили такія маленькія существа, какъ въ моемъ другѣ Зоофитѣ, а онъ знаетъ навѣрно, что онъ никогда не былъ растеніемъ и какже послѣ этого намъ не смѣяться,

если мы видимъ, что вашъ удивительный человѣкъ, дѣлаетъ такія удивительно-странныя ошибки.

При этихъ словахъ, Книжный Скорпіонъ улыбнулся; но скоро онъ серьёзно покачалъ головой и сказалъ:—Человѣкъ можетъ всегда исправить всѣ ошибки, сдѣланныя имъ при наблюденіи надъ низшими существами. Онъ можетъ иногда ошибаться въ своихъ наблюденіяхъ; но онъ скоро исправитъ свои ошибки. Я никогда не отказываюсь отъ своихъ мнѣній, если я сознаю ихъ справедливость, и потому я утверждаю, что, несмотря на всѣ свои ошибки, человѣкъ самое удивительное и самое умное изъ всѣхъ земныхъ существъ!

— Ты самъ будешь уменъ, если ты докажешь это,—закричали разомъ Зоофитъ и Водоросль.

— Пришло-же ему въ голову принять меня, съ сотнями живущихъ во мнѣ существъ, за растеніе!—смѣялся Зоофитъ.

— А меня, съ моей растительной изнанкой, покрытой известкой, за животное,—улыбалась Водоросль.

— Ну, теперь, когда вы дòсыта нахохотались, слушайте-же меня,—сказалъ Книжный Скорпіонъ. Но, еслибы вамъ, мои добрые друзья, пришлось прочесть столько умныхъ книгъ, какъ мнѣ, то вы-бы меньше смѣялись и знали гораздо больше.

— Ну, не сердись, Книжный Скорпіонъ.

— Я вовсе не сержусь. Я очень хорошо знаю источникъ вашей пустой болтовни, и прощаю васъ. Теперь я ломаю себѣ голову, надъ тѣмъ, какъ доказать и объяснить вамъ попонятнѣе превосходство человѣка.

— Ага, значитъ и ты сознаешься, что очень трудно доказать это.

— Да, но тутъ представляется совершенно иное затрудненіе. Мнѣ грустно сказать вамъ, что вы не понимаете превосходства человѣка только потому, что сами стоите неизмѣримо ниже его. Сколько-бы онъ ни ошибался относительно васъ, онъ можетъ исправить всѣ ошибки болѣе точнымъ и болѣе терпѣливымъ наблюденіемъ. Но никакое наблюденіе не объяснитъ вамъ, что такое человѣкъ. Вы совершенно во власти его способностей; но онъ совершенно внѣ вашей власти.

— Ты не очень вѣжливъ со всей своей учоностью, г-нъ Книжный Скорпіонъ.

— Право, я вовсе не имѣлъ намѣренія сказать что-либо грубое, увѣряю васъ. Вы оба прекрасныя и очень полезныя существа. Но вы не должны воображать себѣ, что вы все знаете и что вы въ состояніи все узнать. И вообще вы не должны оспаривать превосходство и способности другихъ существъ только потому, что вы не можете понять ихъ.

— Неужели-же я долженъ вѣрить всѣмъ исторіямъ, которыя мнѣ разсказываютъ объ удивительныхъ способностяхъ другихъ существъ, а когда я спрашиваю, что такое эти способности, то мнѣ говорятъ, что я не могу ихъ понять, но что я долженъ въ нихъ вѣрить?

— Конечно, вы можете и не вѣрить въ нихъ. Но если эти удивительныя способности доказаны удивительными результатами, то я совѣтую вамъ вѣрить въ нихъ, понятны-ли онѣ вамъ, или нѣтъ.

— Какже я буду вѣрить тому, чего не понимаю.

— Ну и не вѣрьте въ нихъ и оставайтесь всю жизнь невѣждой. Конечно, вы можете понять только то, что доступно вашимъ ограниченнымъ способностямъ, но если не хотите, не вѣрьте ничему, заходящему за ихъ предѣлы, и тогда вы, безъ сомнѣнія, немного узнаете.

— Обращаться презрительно съ тѣми, кто ниже насъ очень легко, г-нъ книжникъ. Ты-бы лучше постарался объяснить и растолковать намъ эти удивительныя способности такъ, чтобы мы могли имъ повѣрить.

— Если я и постараюсь, то право изъ этого ничего не выйдетъ, потому-что вы не можете понять даже и моего превосходства.

— Ого, г-нъ книжникъ, теперь ты ужъ начинаешь чваниться.

— Право-же нѣтъ; но разсуди самъ. Я могу дѣлать многое, что недоступно тебѣ, между прочимъ я могу видѣть.

— Что значитъ видѣть?

— Ну вотъ я и правъ. Я зналъ, что ты ровно ничего не поймешь. Я вижу посредствомъ той любопытной машины, которая находится у меня въ головѣ и которую называютъ глазомъ. Но у васъ нѣтъ глазъ и потому вы не можете видѣть, какже я растолкую вамъ, что такое зрѣніе.

— Да вѣдь ты можешь разсказать намъ.

— Чтоже я вамъ разскажу? Я могу сказать вамъ, я вижу. Я могу сказать: теперь я вижу, идя къ вамъ, я вижу васъ моимъ маленькимъ глазкомъ. Правда, я могу сказать вамъ то, что̀ я вижу; но какъ разскажу я вамъ, что такое зрѣніе. У васъ нѣтъ глазъ и потому вы не можете видѣть и никогда не узнаете, что такое зрѣніе.

— Зачѣмъ-же намъ и вѣрить въ зрѣніе?

— О, пожалуйста, не вѣрьте. Право, вамъ не зачѣмъ и вѣрить. Оставайтесь невѣждами. Я больше не стану возиться съ вами, потому-что вы оба мнѣ ужасно надоѣли. Въ васъ говоритъ только гордость и тщеславіе. Вы хотите занимать въ мірозданіи мѣсто выше того, на которое вы поставлены и изъ этого не выйдетъ ничего путнаго. Еслибы вы принялись изучать удивительныя для васъ вещи единственнымъ доступнымъ вамъ способомъ, то я разсказалъ-бы вамъ охотно многое.

— Скажи, пожалуйста, какой это способъ?

— Вы можете узнавать предметы по результатамъ, производимымъ ими. Я уже сказалъ вамъ, что тамъ, гдѣ вы не понимаете удивительныхъ способностей, вы можете вѣрить въ ихъ существованіе, узнавъ ихъ удивительные результаты. Человѣкъ посредствомъ зрѣнія, узнаетъ все о васъ и обо всѣхъ существахъ, растеніяхъ и камняхъ, на которые онъ смотритъ; онъ знаетъ вашъ размѣръ, вашъ ростъ и цвѣтъ, и знаетъ все о тѣхъ клѣточкахъ, въ которыхъ живутъ маленькія существа, обитающія въ васъ, сколько у нихъ щупальцевъ, чѣмъ они питаются, какъ они достаютъ свою пищу, какъ вы несете яички, гдѣ вы живете, гдѣ васъ найдти, какіе другіе Зоофиты родня вамъ, то-есть больше всего похожи на васъ, — однимъ словомъ, онъ знаетъ всѣ мельчайшія подробности, такъ-что онъ кладетъ васъ въ свои коллекціи рядомъ не съ чуждыми, а съ родственными вамъ существами; онъ описываетъ васъ, срисовываетъ и даетъ вамъ такое имя, подъ которымъ весь родъ вашъ извѣстенъ во всемъ мірѣ. Но, дайте мнѣ перевести духъ, я совсѣмъ запыхался, разсказывая вамъ объ удивительныхъ результатахъ зрѣнія.

— Но какже человѣкъ принималъ меня за растеніе?—въ раздумьи спросилъ Зоофитъ.

— Да, но я уже говорилъ прежде, что онъ не довольно точно наблюдалъ, да онъ еще и не изобрѣлъ тогда микроскопа, который

даетъ его большому глазу возможность разсмотрѣть такія маленькія существа, какъ тѣ, которыя обитали въ васъ. Но когда онъ сдѣлалъ этотъ инструментъ и сталъ заботливо наблюдать, то онъ узналъ о васъ все.

— Да, но онъ до сихъ поръ называетъ меня животнымъ, — замѣтила Водоросль.

— Я знаю это; но я увѣренъ, что онъ недолго будетъ заблуждаться. Если ты растеніе, то я ручаюсь, что онъ скоро это увидитъ, разсмотрѣвъ васъ поближе.

— Ты требуешь, чтобы мы вѣрили страннымъ вещамъ, — замѣтилъ Зоофитъ.

— Конечно, потому-что вамъ придется вѣрить многимъ страннымъ вещамъ. То, въ чомъ вы не можете убѣдиться сами, вамъ приходится принимать на вѣру отъ тѣхъ, кто выше васъ. Это единственный способъ.

Въ эту самую минуту дверь отворилась и въ комнату вошли двое мужчинъ.

— Ахъ, всѣ мои новые образцы на полу, — замѣтилъ натуралистъ; — но ничего, — прибавилъ онъ, поднимая ихъ, — вотъ тотъ, который намъ нуженъ, онъ вполнѣ пригоденъ для нашей цѣли. Я пожертвую только одной вѣточкой.

Натуралистъ отрѣзалъ небольшой кусочекъ отъ Водоросли, положилъ его на блюдечко и налилъ на него какой-то жидкости изъ бутылки—тотчасъ началось кипѣніе и известковая оболочка Водоросли начала сходить, а оба пришедшихъ сидѣли и ждали результатовъ.

— Видишь, — прошепталъ Книжный Скорпіонъ Зоофиту, — эти два человѣка разсматриваютъ твоего друга и дѣлаютъ опытъ; если онъ имъ не удастся, то я откажусь отъ всѣхъ, высказанныхъ мною мнѣній.

Но опытъ удался.

Эти господа ждали, пока вся известь растворилась и на блюдечкѣ осталась только нѣжная красная вѣтка, съ маленькими, кругленькими шишечками, похожими на крошечные яблочки.

— Это, вѣрно, ея плодъ, — замѣтилъ натуралистъ,—разсмотримъ-ка его съ помощью микроскопа.

И они принялись разсматривать.

Прошло болѣе часу и Книжный Скорпіонъ и его два друга

впали въ какую-то полудремоту, потому-что имъ надоѣло ждать дальнѣйшихъ замѣчаній натуралиста. И поэтому они встрепенулись, когда онъ воскликнулъ:—«Теперь уже невозможно долѣе сомнѣваться и Corallina надо опять причислить къ Водорослямъ».

Натуралистъ засмѣялся, отклеилъ образецъ и, положивъ его на другой листъ бумаги, причислилъ къ разряду красныхъ водорослей. Вскорѣ оба натуралиста опять вышли изъ комнаты.

— Итакъ, онъ въ самомъ дѣлѣ узналъ происхожденіе нашего друга, — закричалъ Зоофитъ, — и былъ также правъ относительно плода. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось знать, что такое зрѣніе.

— Ахъ, Зоофитъ, Зоофитъ! Не теряй времени, стремясь къ недостижимому. Ты знаешь, что такое чувство ощущенія. Ну, вотъ, я говорю тебѣ, что зрѣніе тоже есть одинъ изъ родовъ чувства. Доволенъ-ли ты этимъ отвѣтомъ.

— Я ничего не понялъ изъ него.

— Ты не можешь понять тѣхъ способностей, которыя превосходятъ твои. Объясни скалѣ, на которой ты ростешь, что такое чувство!

— Но я не могу это сдѣлать, — закричалъ Зоофитъ, — у ней нѣтъ ощущенія.

— Ну, а у тебя нѣтъ зрѣнія—возразилъ Книжный Скорпіонъ.

— Да, ты правъ; я удовлетворенъ, сознаюсь въ этомъ. Теперь я буду радоваться нашему положенію, гордиться нашимъ новымъ хозяиномъ и восторгаться его удивительными способностями, хоть я и не могу понять ихъ.

— Я горжусь моимъ ученикомъ, — добродушно произнесъ Книжный Скорпіонъ.

— Я также принадлежу къ числу твоихъ учениковъ, — прошептала Водоросль; — но скажи мнѣ, есть-ли въ человѣкѣ другія странныя силы?

— Въ немъ много силъ, — отвѣчалъ Книжный Скорпіонъ. — Человѣкъ съ каждымъ днемъ узнаетъ все болѣе и болѣе, подчиняетъ себѣ окружающій міръ, проникаетъ въ тайники природы, овладѣваетъ его сокровищами и идетъ все впередъ, несмотря на всѣ препятствія, страданія и мгновенныя остановки, онъ стремится впередъ, къ полному, всестороннему развитію своихъ способностей и удовлетворенію всѣхъ своихъ потребностей, впередъ, къ счастію всего человѣчества.

— Развѣ въ природѣ нѣтъ такихъ силъ, которыя-бы превышали силы человѣка и которыя были-бы и ему непостижимы? — спросилъ Зоофитъ.

— Я вовсе не утверждаю этого, — возразилъ Книжный Скорпіонъ; — напротивъ...

Но мы не знаемъ, чтобы онъ еще сказалъ, еслибы въ это время не открылась дверь и возвратившійся натуралистъ не принялся приводить въ порядокъ свои образцы. И Книжный Скорпіонъ долго, долго не видалъ своихъ друзей, потому-что они лежали въ книгахъ, переплетенныхъ въ юфть, запахъ которой былъ ему противенъ, такъ-что онъ никогда не могъ добраться до нихъ и дружески побесѣдовать съ ними, и ему пришлось ожидать новой случайной встрѣчи.

А. Сахарова.

Основаніе Петербурга Петромъ Великимъ. (Семья и Школа 1872 г., № 5, кн. I, стр. 645).

СТЕКЛО.

Въ нашемъ климатѣ, гдѣ только четверть года бываетъ тепло, а три четверти стоятъ морозы, или осеннее ненастье, было-бы плохо жить, еслибы люди не умѣли дѣлать стеколъ. Пришлось-бы тогда зажигать огонь съ ранняго утра и жечь цѣлый день, а это было-бы очень вредно для глазъ, да и расходъ былъ-бы значительный, а бѣднымъ было-бы еще труднѣе жить на свѣтѣ. Есть и теперь народы, которые не знаютъ употребленія стеколъ, но это народы дикіе, необразованные, не занимающіеся никакими искусствами и ремеслами; ихъ занятія состоятъ въ скотоводствѣ, звѣроловствѣ или рыбной ловлѣ; эти занятія производятся на открытомъ воздухѣ, такъ-что дикіе народы проводятъ въ своемъ жилищѣ очень немного времени, они только отдыхаютъ и спятъ тамъ, что очень удобно можно дѣлать и въ темнотѣ. Эти народы не имѣютъ и домовъ, а живутъ въ хижинахъ или юртахъ и, ведя кочевую жизнь, переносятъ ихъ съ мѣста на мѣсто, смотря потому, гдѣ имъ удобнѣе скотъ кормить или звѣрей и рыбу ловить.

Стекло изобрѣтено очень давно и, какъ разсказываютъ, совершенно случайно. Въ древнія времена жилъ народъ, называвшійся финикіянами. Финикіяне занимались преимущественно морскою торговлею; они имѣли много кораблей и на этихъ корабляхъ возили товары въ разныя страны; между этими товарами была и селитра. Однажды корабль съ селитрою присталъ къ песчаному берегу и торговцы стали на берегу варить пищу, но такъ-какъ у нихъ не было треножника, на который можно-бы было повѣсить

сосудъ для варки пищи, то они употребили для этого куски селитры; селитра отъ огня расплавилась, соединилась съ береговымъ пескомъ и получилась блестящая, прозрачная масса, которую мы теперь называемъ стекломъ. Финикіяне воспользовались этимъ неожиданнымъ открытіемъ и завели у себя фабрику, на которой стали приготовлять разныя стеклянныя издѣлія; эти издѣлія въ древнія времена были очень дороги и употреблялись только богатыми людьми, какъ рѣдкость. Теперь-же стекло стало дешево, его можетъ имѣть и бѣдный, потому-что люди старались придумать, какъ-бы имъ дѣлать стекло такъ, чтобы эта выдѣлка была и легче и дешевле и, наконецъ, придумали. Такъ и со всякимъ дѣломъ бываетъ; сначала оно идетъ трудно, потому-что люди еще не привыкли къ нему, а потомъ станутъ замѣчать, что это надо-бы перемѣнить, а тутъ кое-что прибавить — дѣло-то и пойдетъ легче, да легче.

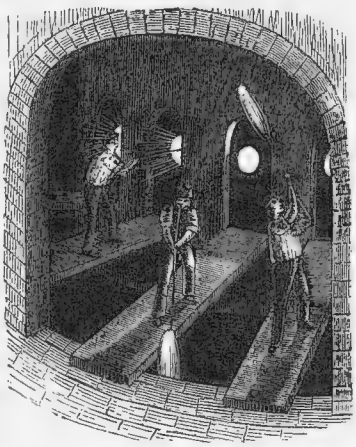
Стекло дѣлается изъ поташа, или соды, песка и извести. Поташъ добывается изъ золы, а сода изъ соли. Песокъ долженъ быть самый чистый, безъ всякой примѣси, иначе стекло выйдетъ не прозрачное, а такое, изъ какого дѣлаютъ простыя бутылки. Если песокъ нечистъ, то его разными способами очищаютъ, чтобъ отнять у него разныя примѣси.

Эти матеріалы промываютъ, толкутъ и просѣиваютъ; потомъ берутъ такое количество каждаго, какое нужно, перемѣшиваютъ вмѣстѣ и кладутъ въ глиняные горшки; эти горшки ставятъ въ плавильную печь, отверстіе которой закрываютъ глиняною заслонкой. Въ плавильной печи жаръ страшный; отъ этого жара песокъ, поташъ, известь расплавляются, соединяются между собою и образуютъ жидковатую массу, изъ которой можно дѣлать разныя вещи, пока она не остыла; остывшее-же стекло надо опять положить въ печь, гдѣ оно снова сдѣлается жидковатымъ.

Стеклянныя издѣлія или выдуваются, или отливаются.

Для выдуванія стеклянныхъ издѣлій употребляется желѣзная трубка, на одномъ концѣ которой придѣланъ деревянный мундштукъ, который отъ жара никогда, разумѣется, не нагрѣвается и потому его можно держать во рту, какъ-бы ни была горяча сама трубка. Для того, чтобы не вынимать изъ печи горшки съ стеклянной массой, такъ-какъ она можетъ остыть, то въ стѣнѣ печи продѣланы окна. Чрезъ такое окно рабочій-выду-

вальщикъ опускаетъ желѣзную трубку въ горшокъ съ расплавленной стеклянной массой, набираетъ ее на конецъ трубки, вынимаетъ изъ печи и начинаетъ дуть въ трубку; стеклянная масса раздувается, принимая видъ груши; другой-же работникъ, съ помощью разныхъ инструментовъ, придаетъ надуваемой массѣ такую форму, какую надо; напр., если выдувается графинъ, то форму графина. Чтобы отдѣлить выдутую вещь отъ трубки, работникъ беретъ ножъ, обмакиваетъ его въ воду и проводитъ имъ по верхней части вещи; горячее стекло отъ прикосновенія холоднаго ножа сжимается и даетъ трещину именно по тому направленію, по которому было проведено ножомъ; тогда стоитъ только ударить слегка по мундштуку и выдутая вещь отваливается отъ трубки. Выдутыя такимъ образомъ вещи ставятъ въ такъ называемыя калильныя печи, гдѣ стекло медленно, постепенно охлаждается. Еслиже этого не сдѣлать, если дать стеклу охладиться скоро, то сдѣланная изъ него вещь будетъ непрочна; напр., если стаканъ охлажденъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то онъ непремѣнно



лопнетъ, когда въ него налютъ горячей воды. Въ калильной печи вещи стоятъ около сутокъ. Послѣ этого ихъ шлифуютъ и полируютъ и тогда вещи совершенно готовы и могутъ поступить въ продажу. Для шлифовки и полировки стеклянныхъ издѣлій на стеклянныхъ фабрикахъ устроены мраморные и деревянные

круги, которые вертятся; надъ каждымъ кругомъ находится сосудъ, изъ котораго льется тонкой струею вода на окружность круга. Сначала стеклянная вещь подставляется подъ мраморный кругъ, потомъ подъ деревянный, посыпанный наждакомъ, наконецъ, подъ другой деревянный, посыпанный смѣсью олова и свинца.

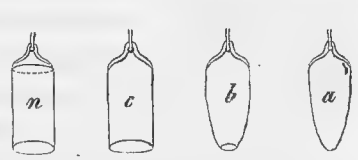
Для выдѣлки стеклянныхъ издѣлій съ разными украшеніями, расплавленная стеклянная масса кладется въ желѣзныя, глиняныя, или деревянныя формы, внутри которыхъ вытиснены нужныя украшенія, и потомъ выдувается. Стеклянная масса, раздуваясь, наполняетъ собою форму, плотно прижимается къ ея стѣнкамъ съ украшеніями, которыя и отпечатываются на ней. Стѣнки формъ посыпаются мукою или намазываются скипидаромъ, чтобы выдутую вещь можно было легче вынуть изъ формы.

Литыя вещи, т. е. сплошныя, безъ пустот, напр., пробки ручки, ножки, отливаются въ формахъ, имѣющихъ видъ этихъ вещей, потомъ ручки и ножки припаиваются къ тѣмъ издѣліямъ, къ которымъ должны принадлежать, и затѣмъ охлаждаются въ калильной печи, шлифуются и полируются.

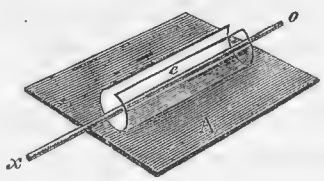
Казалось-бы, что простое оконное стекло можно сдѣлать гораздо легче, чѣмъ какой-нибудь графинъ съ разными узорами, но на дѣлѣ выходитъ иначе — оконное стекло требуетъ много труда. Я постараюсь, по возможности, разсказать вамъ, какъ дѣлается тотъ стеклянный листъ, изъ котораго вырѣзываются оконныя стекла.

Рабочій погружаетъ конецъ трубки чрезъ окно печи въ горшокъ съ расплавленной стеклянной массой, потомъ вынимаетъ трубку, вертитъ ее, чтобъ стеклянная масса улеглась вокругъ трубки, потомъ опять погружаетъ въ горшокъ, опять вертитъ и повторяетъ это до тѣхъ поръ, пока наберетъ столько массы, сколько ему надо для выдѣлки стекляннаго листа. Сдѣлавъ это, рабочій опускаетъ конецъ трубки съ массой въ воду, а стеклянную массу сдвигаетъ всю на самый конецъ трубки ножомъ особаго устройства. Масса образуетъ тогда бо́льшей или мѣньшей величины комокъ, который не можетъ уже расплываться, потому-что стекло въ водѣ охладѣло. Но такъ-какъ остывшую массу выдувать нельзя, то рабочій кладетъ её въ печь для размягченія и потомъ уже начинаетъ дуть. Сначала выдуваемая масса прини-

маетъ округленную, продолговатую форму, на подобіе рисоваго зерна, тогда рабочій поднимаетъ трубку концомъ съ массой вверхъ и дуетъ снизу; такъ-какъ масса мягкая, то она опускается и форма ея сплющивается; рабочій снова опускаетъ трубку внизъ и отъ этого нижній конецъ массы удлинняется; рабочій начинаетъ качать трубку взадъ и впередъ и выдуваемая масса становится похожа на бутылку, въ какой продаютъ шипучій лимонадъ. Эту бутылку рабочій кладетъ нижнимъ концомъ въ печь, чтобы размягчить одинъ только этотъ конецъ, и потомъ вдругъ начинаетъ сильно дуть, размягченный конецъ прорывается и образуется отверстіе; отверстіе расправляется и ровно обрѣзывается, такъ-что прежняя остроконечная бутылка превращается въ цилиндръ и становится похожа на обыкновенную бутылку съ плоскимъ дномъ. Этотъ цилиндръ рабочій раскачиваетъ изъ стороны въ сторону, чтобъ его охладить и потомъ кладетъ на деревянныя подставки, въ родѣ вилъ, и отдѣляетъ его отъ трубки. Для этого онъ спускаетъ каплю воды на то мѣсто, гдѣ выдутая стеклянная масса соединяется съ трубкой, потомъ слегка встряхиваетъ и цилиндръ отдѣляется, поддерживаемый подпорками. Но этотъ цилиндръ не имѣетъ еще совершенно правильной формы — его верхняя часть выпукла, поэтому эту выпуклую часть надо отдѣлить до того мѣста, гдѣ стѣнки цилиндра идутъ уже ровно внизъ. Рабочій беретъ каплю горячей стеклянной массы, проводитъ по верхней части цилиндра и выпуклая часть отдѣляется. Теперь получился правильный цилиндръ, открытый съ обоихъ концовъ. Чтобъ получить изъ этого цилиндра стеклянный листъ, надо цилиндръ развернуть, какъ напр., развертываютъ листъ бумаги, свернутый въ трубку. Дѣлается это такимъ образомъ:



рабочій отъ одного конца цилиндра до другого проводитъ черту сперва мокрою палочкою, а потомъ раскаленнымъ желѣзомъ, по этой чертѣ цилиндръ растрескивается, тогда его кладутъ въ печь для размягченія, потомъ кладутъ на чугунную плиту, развертываютъ посредствомъ желѣзной палки и выглаживаютъ желѣзнымъ брускомъ. Получен-



ный такимъ образомъ листъ кладутъ въ калильную печь, гдѣ онъ постепенно охлаждается.

Для приготовленія толстыхъ зеркальныхъ стеколъ расплавленную стеклянную массу выливаютъ на мѣдныя доски, которыя снизу накаливаются докрасна, чтобы стеклянная масса не скоро остывала, иначе она будетъ лопаться. Разлитую по доскѣ массу раскатываютъ чугуннымъ валомъ, чтобы выровнять ее. Когда масса нѣсколько остынетъ, ее шлифуютъ тяжолыми свинцовыми или оловянными досками, посыпанными сначала пескомъ, а потомъ пемзою и мѣломъ, и послѣ этого полируютъ оловомъ. Затѣмъ, зеркальныя стекла просушиваются въ особыхъ сушильняхъ, гдѣ они остаются отъ двухъ до трехъ недѣль.

Кромѣ безцвѣтнаго стекла, есть еще цвѣтныя стекла. Чтобы придать стеклу какой-нибудь цвѣтъ, къ расплавленной стеклянной массѣ прибавляютъ различныя вещества; напр., чтобы получить стекло голубого цвѣта, прибавляютъ окись мѣди, именно ту зелень, которая образуется на мѣдныхъ вещахъ; чтобы получить стекло темножолтаго цвѣта, прибавляютъ уголь; для краснаго и розоваго стекла прибавляется золото и т. д., для каждаго цвѣта есть особое вещество. Окрашиваютъ стекло еще и другимъ способомъ, но тогда стеклянная вещь будетъ окрашена только съ одной наружной стороны. Для этого на выдувальную трубку сначала набираютъ безцвѣтной массы, раздуваютъ ее немного и потомъ обмакиваютъ въ окрашенную массу и начинаютъ выдувать; окрашенная масса расплывается тонкимъ слоемъ по поверхности безцвѣтнаго стекла.

Изъ тѣхъ-же матеріаловъ, изъ которыхъ дѣлается стекло, дѣлаются и искусственные драгоцѣнные камни или стразы, только матеріалы выбираются самые лучшіе, самые чистые.

Работа на стеклянныхъ заводахъ тяжолая и имѣетъ вредное вліяніе на здоровье рабочихъ. Сильный жаръ отъ плавильныхъ печей, отъ расплавленной стеклянной массы очень разгорячаетъ тѣло рабочаго, разслабляетъ его, производитъ сильную испарину, отъ этого рабочій, выходя на свѣжій воздухъ, легко подвергается простудѣ. Кромѣ того, выдуваніе издѣлій ослабляетъ грудь и располагаетъ къ груднымъ болѣзнямъ и даже къ чахоткѣ.

Для избѣжанія вредныхъ послѣдствій необходимо работать съ большими промежутками между рабочими часами, и обставить

жизнь свою гигіенически, въ чистой, свѣтлой, сухой квартирѣ, гдѣ-бы можно было дышать чистымъ воздухомъ, пища должна быть питательная, здоровая и одежда строго соображена съ потребностями временъ года и температуры при переходахъ изъ раскаленной атмосферы завода.

Каждый трудящійся человѣкъ имѣетъ право на довольство; только лѣнтяи, люди ничего недѣлающіе, желающіе жить на чужой счотъ, не имѣютъ права ничего требовать. Трудъ, который не приноситъ никакой пользы, или приноситъ, да очень мало, становится для человѣка невыносимою тяжестью, а жизнь, наполненная такимъ безполезнымъ трудомъ, дѣлается постоянною мукою и теряетъ для человѣка всякую прелесть.

Вообразите себѣ такую картину. Рабочій, потрудясь съ утра часовъ до трехъ пополудни, возвращается съ работы въ свою уютную, чистенькую квартирку, гдѣ его встрѣчаютъ: веселая, здоровая жена, здоровыя, рѣзвыя дѣти,—встрѣчаютъ съ улыбкою, съ радостью; и ему пріятно видѣть здоровыя, довольныя лица своихъ близкихъ родныхъ, которыя всегда такъ дороги каждому человѣку. И думаетъ рабочій, что этими радостями онъ обязанъ своему труду, и трудъ становится для него дорогимъ и пріятнымъ, какъ-бы онъ самъ-по-себѣ ни былъ тяжолъ и незанимателенъ; рабочій понимаетъ, что за нѣсколько часовъ тяжолаго и незанимательнаго труда, онъ найдетъ награду дома, въ своей радости и въ радости своихъ домашнихъ. Вотъ подается обѣдъ, вкусный, здоровый; всѣ ѣдятъ его съ удовольствіемъ, разговаривая, шутя другъ съ другомъ. Весь вечеръ у рабочаго свободенъ; онъ можетъ отдыхать, читать хорошія книги, изъ которыхъ онъ многому научается и дѣлается такимъ образомъ умнѣе, образованнѣе. Деньги у него есть, чтобы подписаться въ библіотекѣ и получать оттуда книги, такъ-какъ онъ за свой трудъ получаетъ хорошую плату, на которую можетъ не только порядочно жить, но и откладывать изъ нее нѣкоторую часть въ запасъ, чтобъ можно было безъ нужды жить въ старости, когда не будетъ силъ работать. По праздникамъ рабочій идетъ въ собраніе, гдѣ можетъ потолковать съ товарищами и знакомыми о томъ, что дѣлается въ божьемъ мірѣ, можетъ танцовать, пѣть, однимъ словомъ, можетъ проводить время въ пріятныхъ и полезныхъ удовольствіяхъ. Дѣти его учатся въ школѣ и становятся хорошими, умными людьми.

Но, спросятъ меня, возможно-ли все это? Да, если только рабочій будетъ откладывать и сберегать копѣйку на чорный день, такъ все это будетъ возможно. Вся бѣда въ томъ, что нашъ рабочій еще не знаетъ цѣны сбереженію денегъ, вслѣдствіе своей неразвитости, несетъ лишнія деньги въ кабакъ. Когда рабочій не откладываетъ, не сберегаетъ денегъ, то судьба его не обезпечена: заболѣетъ онъ или состарится, въ запасѣ у него ничего нѣтъ, и чтобъ какъ-нибудь прокормиться, надо просить милостыню. Дѣти его въ такомъ случаѣ нигдѣ и ничему не учатся, а грязныя, оборванныя бѣгаютъ по улицѣ. Это тѣ мальчики и дѣвочки, которыхъ вы называете *уличными*; онѣ ни въ чомъ не виноваты. И вы были-бы такіе-же, если-бы васъ не учили, не смотрѣли-бы за вами.

Настовъ.

Богданъ Хмѣльницкій на радѣ въ Переяславлѣ рѣшается присоединить Малороссію къ Московскому государству. (Семья и Школа 1872 г., № 4, кн. I, стр. 482—3).

ПЫЛИНКИ, ОСВѢЩОННЫЯ СОЛНЦЕМЪ.

(СЪ АНГЛІЙСКАГО).

Былъ свѣтлый, солнечный Рождественскій день и двѣ маленькія дѣвочки сидѣли на постели ихъ больной матери. Одна изъ нихъ была еще малютка, едва начавшая говорить,—она стояла облокотясь кудрявой головкой на изголовье кровати. Другая, двумя или тремя годами старше, сидѣла на подушкѣ подлѣ матери.

Дѣти говорили мало, потому-что въ домѣ недавно родился ребёнокъ и всѣ были очень смирны, хотя чувствовали себя счастливыми, а этихъ двухъ маленькихъ сестрицъ новорожденнаго впустили къ мамашѣ, взявъ съ нихъ обѣщаніе быть умницами и не шумѣть.

Но дѣти не могутъ долго сидѣть смирно, и такъ, когда яркій лучъ зимняго солнца, пробрался въ комнату сквозь полуоткрытую ставню и освѣтилъ постель, то онъ привлекъ вниманіе дѣтей, потому-что вверхъ и внизъ по этой узкой полосѣ свѣта кружилось безчисленное множество сверкающихъ пылинокъ. Старшая дѣвочка, которую звали Катя, держала въ рукѣ небольшой открытый ящичекъ и поминутно водила имъ по полосѣ свѣта и шептала съ восторгомъ:—«Я буду ловить звѣздочки!» Ея мамаша смотрѣла и улыбалась, потому-что веселая Катя изобрѣла очень занимательную игру. Она дѣлала видъ, что ловитъ сверкающія пылинки въ пустой ящичекъ и потомъ представлялась сердитой и огорченной, заглянувъ во внутрь и не найдя ничего. Кромѣ того, она все время приговаривала:—Вотъ еще звѣздочка, какая красивенькая! Я должна поймать ее!—и потомъ она опять опускала ящичекъ въ свѣтящуюся полосу.

Но эта игра и смѣхъ матери вскорѣ отвлекли отъ изголовья малютку Ундину и она кротко проговорила:—Дай мнѣ хоть немножко ихъ.

— Чего, моя маленькая Ундина, — спросила мать, — что такое онѣ?

Ундина взглянула на свою мать, потомъ на пылинки и сказала: эти звѣздочки,—но на ея лицѣ выражалось недовѣріе при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, это вѣдь не звѣздочки, мама,—замѣтила умненькая Катя, — это просто пыль; — и она стала еще быстрѣе двигать ящикъ.

— Это не пыль, — надулась оскорбленная малютка, — это звѣздочки!

— Хорошо, вотъ тебѣ цѣлый ящичекъ звѣздъ, — закричала Катя, бросая ящичекъ на колѣни Ундины и покрывая его своимъ передникомъ.—Береги ихъ, береги ихъ, а то онѣ исчезнутъ.

Медленно и заботливо открыла Ундина ящичекъ и стала серьёзно осматривать и внутренность, и внѣшность его, стараясь

найти звѣздочки, и потомъ, съ свойственнымъ дѣтямъ непостоянствомъ, она разразилась смѣхомъ, стала подбрасывать ящичекъ какъ мячикъ и закричала:—это просто пыль, противная, грязная пыль! Вотъ она летитъ!

— Вотъ, вотъ она летитъ!—повторила Катя и дѣти подняли такую возню и такой шумъ, что няня взошла въ спальню и приказала двумъ шалуньямъ убираться вонъ.

— Но, мама, — серьёзно шепнула Катя, передъ уходомъ, — почему пыль такъ похожа на звѣзды?

— Потому-что солнце освѣтило ее,—отвѣтила мать.—Солнце, Катя, подобно любви; оно всему сообщаетъ свой блескъ. Ты и Ундина, — прибавила она, цалуя пухленькую щочку малютки,— звѣзды въ моихъ глазахъ, потому-что я смотрю на васъ глазами любви.

— Но въ дѣйствительности, мы—просто противная, грязная пыль,—замѣтила Катя, серьёзно качая головкой и уводя свою маленькую сестрицу изъ комнаты.

Дѣти вышли и мать задумалась надъ игрой дѣтей, надъ ихъ словами и надъ ихъ будущностью, какъ всѣ матери.

«А вѣдь въ самомъ дѣлѣ пыль походила на звѣзды»,—подумала она, глядя на свѣтъ.

Но съ какою гордостью умненькая Катя объяснила, что это не звѣзды, а пыль и все-таки въ жизни ей часто придется заблуждаться, какъ и Ундинѣ, и она будетъ принимать пыль за звѣзды, потому-что эту пыль освѣщаетъ солнце.

Мать Кати и Ундины подумала при этомъ воспоминаніи, что она будетъ стараться дать своимъ дочерямъ основательное, серьёзное воспитаніе, что она научитъ ихъ *не увлекаться блестящей внѣшностью*.

А потомъ взглянувъ на солнечный лучъ, освѣщающій постель и комнату, молодая женщина задумалась,—ей пришло въ голову, что любовь къ человѣчеству, любовь къ знанію, стремленіе къ лучшему будущему, подобно солнечному лучу, освѣщаетъ яркимъ и теплымъ свѣтомъ всю нашу жизнь, облегчаетъ нашъ трудъ и нашу борьбу.

Мечты и серьёзныя думы сильно утомили больную и она вскорѣ уснула.

А. Сахарова.

НИКОЛО И ЕГО МАЛЕНЬКІЙ ДРУГЪ.

— Николо, Николо, гдѣ ты? Куда ты спрятался? Поди сюда, мнѣ нужно съ тобой говорить.

Эти слова произнесла маленькая дѣвочка, съ прекрасными свѣтлыми глазами, стоя подъ свѣтлымъ и яснымъ небомъ Италіи.

Но Николо, мальчикъ нѣсколькими годами старше ея, былъ невеселъ и недоволенъ. Онъ лежалъ, растянувшись, на солнышкѣ; его лицо было грустно и мрачно.

— Лѣнтяй! — сказала маленькая Джіанетта, смѣясь и подходя къ нему; — я совсѣмъ запыхалась, зовя тебя. Пойдемъ со мной, ты мнѣ нуженъ. Я кончила всю свою работу и мы теперь можемъ вмѣстѣ заняться музыкой.

Но Николо покачалъ головой, хоть онъ улыбнулся своему маленькому другу.

— Что съ тобой? — спросила Джіанетта. — Отчего ты не можешь идти? Вѣрно, опять отецъ?

Николо вздохнулъ. Онъ былъ по природѣ веселый и бойкій мальчикъ, но Джіанетта часто видѣла его грустнымъ.

— Онъ опять бранилъ тебя? Но скажи мнѣ, Николо, что онъ сказалъ или сдѣлалъ?

— Ничего, — сказалъ Николо, поднимаясь. — Ничего, моя милая Джіанетта; но это надоѣло мнѣ; это все старая исторія. Ему не нравится моя музыка, онъ считаетъ меня лѣнтяемъ. Послушай меня, моя малютка, я уже рѣшился. Я не могу долѣе выносить эту жизнь. Я долженъ уступить его желанію, изучить какое-нибудь ремесло и отказаться отъ моей скрипки!

— Ты не долженъ этого дѣлать, — сказала Джіанетта серьёзно. — Ты считаешь меня упрямой, Николо, но я не упряма, я только дальновиднѣе тебя и твоего отца. Природа дала тебѣ этотъ талантъ, этотъ великій талантъ и ты не долженъ прятать и зарывать его.

Лицо маленькой дѣвочки сіяло такимъ восторгомъ, что Николо улыбнулся. Но она продолжала еще быстрѣе:

— Вставай сейчасъ, Николо, и пойдемъ со мной. Мы сыграемъ что-нибудь вмѣстѣ. Твой отецъ никогда не станетъ тебя, когда я съ тобой. И ты не откажешься отъ твоей музыки.

Мальчикъ полушутя, полусерьёзно дозволилъ ребенку втащить его въ маленькій домикъ; тамъ онъ взялъ скрипку, она сѣла за фортепьяно; а неподалеку сидѣлъ отецъ Николо и мрачно смотрѣлъ на дѣтей.

— Начинай, — сказала Джіанетта, — и скажи мнѣ, когда я ошибусь.

Но, для своего возраста, Джіанетта играла съ удивительной точностью. Что же касается до Николо, то его лицо прояснилось при первомъ звукѣ, извлеченномъ имъ изъ любимой скрипки. Онъ забылъ о своемъ строгомъ отцѣ, о своемъ грустномъ домѣ. Онъ былъ поглощенъ высокимъ наслажденіемъ, которое чувствуютъ люди, обладающіе великимъ талантомъ.

Но съ послѣднимъ аккордомъ лицо его снова омрачилось.

— Сведи меня теперь домой, — сказала маленькая дѣвочка.

Ей надо было только перейти улицу; но Джіанетта хотѣла еще поговорить наединѣ съ своимъ другомъ.

— Николо, — сказала она серьёзно, — никогда не говори, что ты оставишь музыку, этого не будетъ. Я жалѣю тебя, мой бѣдный мальчикъ; я знаю, что тебѣ тяжело жить, но...

— Но я составлю себѣ имя, — сказалъ Николо, заражаясь ея восторгомъ, — и тогда, можетъ быть, мой отецъ повѣритъ въ меня, а до тѣхъ поръ я буду мужественно переносить все. И такъ, доброй ночи, малютка.

Жизнь Николо была тяжолая жизнь;—его мать умерла, его отецъ не сочувствовалъ страсти сына къ музыкѣ. Мальчикъ часто падалъ духомъ подъ холоднымъ взглядомъ и жестокими насмѣшками отца, ежедневно выпадавшими на его долю.

Онъ сидѣлъ однажды и чувствовалъ себя грустнѣе обыкновеннаго, и былъ недоволенъ даже звуками, извлекаемыми имъ изъ инструмента, когда мать Джіанетты взошла.

— Моя дочь больна,—сказала она быстро,—очень больна и все зоветъ тебя. Пойдемъ.

Николо пошолъ; несмотря на сильнѣйшую лихорадку,

больная дѣвочка улыбнулась своему маленькому другу. Въ ея глазахъ выражалась какая-то просьба, но высохшія губы не могли произнести ни слова.

— Принести скрипку?—нѣжно спросилъ Николо.

Она опять улыбнулась и Николо принесъ свое сокровище.

— Колыбельную пѣсню?—спросилъ онъ.

Маленькое личико успокоилось и просвѣтлѣло при этомъ вопросѣ. Нѣжная и пріятная музыка успокоила маленькую страдалицу и утѣшила присутствующихъ. Когда онъ кончилъ, Джіанетта протянула руки.

— Благодарю тебя, дорогой Николо,—сказала она едва слышно;—теперь я усну. Но ты не долженъ спать, у тебя есть дѣло,—ты долженъ выдти въ свѣтъ и быть знаменитымъ; ступай, ступай далеко отсюда. Помни мои слова и мой совѣтъ!

И она, говоря это, лежала на подушкѣ, истощенная усталостью, и уже больше никогда не просила никого играть.

Въ эту ночь Николо сидѣлъ подлѣ трупа своего маленькаго друга. Свѣчи горѣли, цвѣты были разбросаны вокругъ нея и всю ночь читали молитвы,—таковъ былъ обычай страны,—живыхъ это утѣшало.

И когда разсвѣло, то одинокій мальчикъ отправился въ свою маленькую комнату и тамъ излилъ свою душу въ прощальной пѣснѣ о своей дорогой подругѣ, которой онъ такъ внезапно лишился.

Теперь ему оставалось только исполнить ея послѣдній завѣтъ, выдти въ свѣтъ и стать знаменитымъ..

Сдѣлалъ-ли онъ это?

Спросите у тѣхъ, кто любитъ музыку и кто дорожитъ именами великихъ музыкантовъ, слышали-ли они о великомъ скрипачѣ Николо Паганини, потому-что я пишу о его дѣтствѣ.

Пусть мои читатели судятъ сами, насколько онъ обязанъ своими успѣхами маленькой дѣвочкѣ. Она ободряла его тогда, когда онъ падалъ духомъ и я увѣрена, что втеченіе всей своей блестящей карьеры, онъ съ глубокой и горячей благодарностью вспоминалъ о ней.

А. Сахарова.

АНГЛІЙСКІЕ УРОКИ.

ДѢТСКІЙ ОТДѢЛЪ.

УРОКЪ 9.

Мои дорогіе маленькіе читатели, я надѣюсь, что прочитавъ и повторивъ 7 англійскихъ уроковъ и переведя небольшой разсказъ, помѣщонный въ той книжкѣ въ 8-мъ урокѣ, вы сумѣете съ помощью, прилагаемаго списка словъ, перевести сначала устно, а затѣмъ и письменно небольшой разсказъ, помѣщаемый нами здѣсь.

The bee.

Good morning, little busy bee: how do you do this fine day? I see you are not idle. No, little girl, I have no time to be idle: look how bright the sun shines; and come and smell these sweet flowers; I must go and sip their juice and carry it home to make honey. You like honey, little girl, do you not? Well, if bees were idle, you would not have any to eat, so good bye to you, the sun is already high in the sky, and I must begin my work. Adieu!

Adieu, pretty bee, adieu! but will you not stop one minute, and tell me how you make honey? I should like to know very much; pray tell me, pretty bee!

Come to my house aud see, little girl; if I were to tell you, I should lose my time and to no purpose, for you would soon

forget; but if you come and examine our hive in which we all work, then you will remember all about it: you will there see all our little waxen cells, which form what is called the honey-comb and we will give you some of our nice sweet honey to eat.

Thank you, kind little bee; but what do you mean by your waxen cell? Who makes your waxen cells? and of what use they are to you?

We make them ourselves, little girl, come and see them, and ask your Mamma to come with you, and she will tell you all about them and us and our hives, and everything else, for I have; no time I must go home and begin my daily task, or I shall be punished as an idle insect; so once more adieu, little girl.

Списокъ словъ, не вошедшихъ ни въ уроки, ни въ первый разсказъ.

The bee—пчела.
Little—маленькій-ое-ая-іе.
Busy—дѣятельная-ое-ый-ые.
Good morning—доброе утро.
How do you do?—какъ вы поживаете?
To see—видѣть.
Time—время.
To look—смотрѣть.
Bright—ярко.
To shine—сіять, свѣтить.
To come—приходить.
To smell—нюхать.
Sweet—сладкій.
I must—я должна.
To go—идти,
To sip—всасывать.
juice—сокъ.
Carry—нести.
home—домой.
To make –дѣлать.
honey—мёдъ.
To like—любить.
Do you not?—не такъ-ли?

Well—хорошо.
If—если.
Were—были, прошедшее время глагола to be.
Would not have—вы-бы не имѣли (вамъ-бы не пришлось).
To eat—ѣсть.
Good bye—прощайте.
Already—уже.
High—высоко.
Sky—небо.
To begin—начать (g какъ русское г, i какъ п).
work—работа.
Adieu—прощай (ieu какъ *ью*).
To Stop—останавливаться.
Minute—минута.
To tell—говорить, разсказывать.
I should like—я-бы желала.
Very much—очень.
pray—пожалуйста.
If I were to tell—еслибы я сказала (о какъ русское у).
I should lose—я-бы потеряла.
To no purpose—безполезно.
for—потому-что.
you would soon forget—вы-бы скоро забыли.
examine—разсматривать.
hive—улей.
which—который-ая-ое.
then—тогда.
To remember—помнить.
About—объ, о.
Waxen—восковыя.
cells—ячейки.
To form—образовать.
What is called—такъ называемый.
hony-comb—медовый сотъ.
To give (g какъ г, i какъ п) давать.
Some—нѣсколько.
nice—вкусный.
To thank—благодарить.

kind—добрая.
mean—подразумѣвать.
who—кто.
use—польза.
Ourselves—сами.
toask—просить, спрашивать.
Mamma—мама.
us—намъ (дательный падежъ отъ мѣстоименія мы—we).
Everything—все.
else—остальное.
daily—ежедневный.
task—обязанность.
I shall be punished—я буду наказана.
Insect—насѣкомое.
Once more—еще разъ.

Переводить на англійскій.

Эти бѣдные мальчики нашли одно птичье гнѣздо, гдѣ лежали четыре голубыя яичка. Старыя птицы любятъ и кормятъ молодыхъ птичекъ. Моя добрая сестра учитъ бѣдную маленькую дѣвочку. Дни свѣтлы, а ночи темны. Молодая птичка сидѣла на высокомъ зеленомъ деревѣ. Дайте этой доброй маленькой дѣвочкѣ нѣсколько сладкаго мёду. Сестра этого богатаго мальчика плачетъ. Эти стаканы бѣлы и чисты. Церкви стары. Мои братья вернулись скоро.

УРОКЪ 10.

Я надѣюсь, что переведя этотъ небольшой разсказъ устно и письменно, вы, мои маленькіе читатели, сумѣете написать безъ большого труда отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1. Что сказала маленькая дѣвочка пчелѣ?
2. Что отвѣтила ей пчела?
3. Что спросила пчела у дѣвочки?
4. Какъ простилась пчела съ дѣвочкой?
5. Какъ простилась дѣвочка съ пчелой?
6. О чомъ она попросила пчелу?
7. Куда пригласила ее пчела?
8. Что пчела разсказала ей?

9. Что отвѣтила дѣвочка на приглашеніе пчелы?
10. Что пчела сказала дѣвочкѣ и какъ она простилась съ ней?

Написавъ отвѣты на всѣ эти вопросы, попробуйте составить изъ тѣхъ словъ, которыя вы запомнили и заучили нѣсколько англійскихъ фразъ сначала устно, а потомъ и письменно.

УРОКЪ 11.

The boy and the plums.

A man was taking a basket of plums to market. He carried the basket on his head. As he walked along the road, three or four of the plums dropped out, and fell on the ground.

The man did not notice them fall, so he went on; but a poor boy saw them fall and picked them up.

— «Here! here!»—he called to the man; who turned round when he heard him, and stopped. The boy brought the plums to him, and put them in his hand.

— «Thank you kindly,»—said the man as he took the fruit.— «And now»,—said he, putting the basket on the ground,— «take the best you can pick for your self, for you are an honest boy».

When the man had gone on, a lad came up and said to the boy,—«You might as well have kept all that fell; tor then you could have given some to me».

— «No, no,»—replied the boy: — «you may have this plum if you like, for it is mine to give; but if I had given you what was not mine, I should have been stealing. Poor as I am, I am too proud to lose my good name».

Списокъ словъ, невошедшихъ ни въ уроки, ни въ первый, ни во второй разсказы.

Man—человѣкъ.
take—брать, нести, was taking—несъ.
basket—корзина.
plum—слива.
market—рынокъ.
head—голова.
walk—(а какъ о, l совсѣмъ не произносится) идти.

along—по.
road—дорога.
drop out—выпасть.
fell—упали.
ground—земля.
did not notice—не замѣтилъ.
went on—пошелъ дальше.
saw—прошедшее глагола to see—видѣть.
to pick up—поднять.
to call—кричать, звать.
to turn round—обернуться.
heard—прошедшее глагола hear—слышать.
brought—прошедшее глагола bhing—приносить.
to put—класть, положить.
hand—рука.
said—прошедшее глагола to say—сказать.
took—прошедшее глагола take—брать, нести.
fruit—плодъ.
now—теперь.
best—лучшее.
honest—честный.
had gone on—пошолъ дальше.
lad—юноша.
came up—подошолъ.
you might—вы-бы могли.
have kept—удержать.
you could—вы бы могли.
replied—прошедшее глагола to reply—возражать.
you may—вы можете.
if you like—если хотите.
i should have been stealing—я-бы кралъ.
to steal—красть.
too—слишкомъ.
proud—гордъ.
to lose—терять.
name—имя.

А. Сахарова.

ЗАДАЧА-СКАЗКА.

Въ густомъ лѣсу, около рѣки, жилъ очень бѣдный сторожъ. Какъ ни перебивался онъ со дня на день, промышляя ловлей и продажей звѣрей, а все достатка у него не было и бѣдность все больше и больше заѣдала его. И сталъ онъ думать, какъ-бы ему разбогатѣть. Отъ ѣды совсѣмъ отсталъ, и день и ночь только и думалъ, какимъ-бы это способомъ ему богатство нажить. А дѣло межъ тѣмъ не спорилось, и нужда еще больше надвигалась на него. Похудѣлъ бѣдный мужикъ; съ горя да съ отчаянія руки совсѣмъ опустилъ.

Разъ сидитъ онъ на берегу рѣчки, голову повѣсилъ и тужитъ, что какъ онъ ни бьется, а все толку нѣтъ; сидитъ и смотритъ на воду... а безотвязная дума о богатствѣ не выходитъ изъ головы. Вдругъ онъ видитъ изъ воды поднимается какая-то фигурка, прыгъ на берегъ да прямо къ нему. — «Не пугайся меня», — говоритъ она,—«я водяной; увидалъ я, какъ ты горюешь, жаль мнѣ стало добраго человѣка и вздумалъ я помочь тебѣ». Какъ стрѣла вскочилъ мужикъ съ мѣста.—«Родной ты мой!»—воскликнулъ онъ, кланяясь ему въ поясъ,—«что хошь прикажи сдѣлать, только выручи изъ бѣды».—«А вотъ мои условія»,—молвилъ бѣсъ,—*«каждый разъ, какъ ты пробѣжишь по этому мосту, твой капиталъ будетъ удваиваться, только за труды, когда ты добѣжишь до конца, ты долженъ кинуть мнѣ 1 руб. въ рѣку»*.

Мужикъ съ радостью согласился, и, не долго думая, побѣжалъ. Добѣжалъ до конца, посчиталъ деньги, а у него и въ самомъ дѣлѣ денегъ вдвое больше стало. Помня условіе, онъ кинулъ 1 р. въ рѣку. Побѣжалъ во второй разъ и, уже не считая, опять кинулъ 1 рубль въ воду. Затѣмъ, пробѣжавши въ третій разъ и бросивъ еще одинъ рубль водяному, онъ, запыхавшись, сѣлъ на траву и хотѣлъ сосчитать много-ли-же у него денегъ

прибавилось. Смотритъ, а у него не только, что не прибавилось ничего, а и своихъ-то денегъ не стало. Всплеснулъ мужикъ руками отъ изумленія, и только теперь сообразилъ, какъ провелъ его водяной. А бѣсенокъ стоитъ себѣ да усмѣхается.—«Самъ виноватъ», — говоритъ онъ мужику, — «что, не сосчитавши своихъ денегъ, согласился на мои условія, и не разсчиталъ, выгодно-ли было при твоихъ деньгахъ соглашаться; я вѣдь насильно не заставлялъ тебя принимать ихъ».

Сколько было у мужика денегъ?

Е. А.

ФОКУСНИКЪ-СЧОТЧИКЪ *).

II.

У кого кольцо?

Вы тогда только можете отвѣчать на этотъ вопросъ, если въ обществѣ, затѣявшемъ эту игру, не больше 9 человѣкъ. Притомъ, съ помощью тѣхъ указаній, которыя мы здѣсь дадимъ, вы можете угадать не только то лицо, которое надѣло кольцо, но даже на которой рукѣ, на которомъ пальцѣ и на которомъ суставѣ пальца оно надѣто. Для этого вы размѣщаете этихъ людей вокругъ стола, и громко означаете ихъ числами 1, 2, 3, 4 и т. д., въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сидятъ. Потомъ, вы означаете большой палецъ числомъ 1-й, указательный 2-й и т. д. Ногтевой суставъ наконецъ, назовите 1-мъ; правую руку обозначьте числомъ 1, а лѣвую — 2.

Сдѣлавши эти приготовленія, предложите, чтобы кто-нибудь изъ этого кружка кольцо надѣлъ; при этомъ вы, конечно, не должны присутствовать и не должны видѣть, кто именно надѣлъ. Положимъ, что человѣкъ, надѣвшій кольцо, обозначенъ у васъ 4-мъ, и онъ его надѣлъ на правую руку (№ 1), на 3-й палецъ, на 2-й суставъ. Если вы сумѣете составить число 4132, въ которомъ цифры въ послѣдовательномъ порядкѣ показываютъ человѣка, руку, палецъ и суставъ, то задача рѣшена.

*) См. «Семья и Школа» № 7, 1872 г., стр. 224.

Вотъ какимъ образомъ вы этого достигнете. Съ того мѣста, гдѣ вы стоите, продиктуйте одному изъ кружка слѣдующее:

1) Удвойте то число, которое обозначаетъ собою человѣка, надѣвшаго кольцо.
Въ нашемъ примѣрѣ (4), удвоивъ это число . . 8
2) Прибавьте 5 13
3) Умножьте полученное число на 5 65
4) Прибавьте 10 75
5) Прибавьте къ этому число, обозначающее руку, на которую надѣто кольцо (въ этомъ примѣрѣ 1) . . 76
6) Умножьте на 10 760
7) Прибавьте число, обозначающее палецъ (въ данномъ случаѣ 3) 763
8) Умножьте на 10 7,630
9) Прибавьте число, обозначающее суставъ (въ этомъ примѣрѣ 2). 7,632
10) Прибавьте 35 7,667

Теперь отгадчикъ долженъ только спросить, сколько получилось въ результатѣ (7,667) и всегда изъ результата вычесть число 3,535; остатокъ даетъ ему нужныя цифры. Въ данномъ примѣрѣ остается 7,667 — 3,535 = 4,132; это число показываетъ, что человѣкъ № 4 надѣлъ кольцо на правую руку (№ 1), на средній палецъ (№ 3) и на средній суставъ (№ 2).

Существуетъ еще много другихъ способовъ для разрѣшенія этого вопроса.

(Продолженіе будетъ).

ОСАДА КРѢПОСТИ.

(Къ этому слѣдуетъ шашечная доска, 2 верховыхъ и 24 пѣшихъ солдата).

Прежде чѣмъ приступить къ игрѣ, слѣдуетъ: 1) Приготовить шашечную доску — для этого приложенъ при этомъ листокъ шашечницы. Слѣдуетъ наклеить его на толстую папку, обрѣзать ее по краямъ ровнѣе и оклеить кругомъ каемку, какою-либо темною (зеленою или синею) цвѣтною бумагою.

2) Нужно какъ можно тщательнѣе вырѣзать по контурамъ всѣхъ солдатъ, какъ пѣшихъ, такъ и верховыхъ, не отрѣзывая

ихъ отъ полукруглыхъ подставокъ; потомъ склеить вырѣзки солдатъ бѣлыми сторонами попарно, такъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ были рисунки; полукруглыя основанія разогнуть въ разныя стороны и наклеить ихъ на цѣльные бѣлые кружки, которые должны служить основаніемъ, чтобы шашки или солдаты не падали.

Тѣ изъ читателей, которые имѣютъ краски, могутъ, если пожелаютъ, раскрасить всѣхъ солдатиковъ. Когда все приготовлено, разставляютъ солдатъ по мѣстамъ: кавалеристы ставятся, гдѣ угодно, внутри крѣпости, которую они должны защищать. Ходы защитникамъ допускаются по всѣмъ линіямъ и направленіямъ, взадъ и впередъ, и при этомъ они обязаны всякій разъ брать нападающаго солдата, когда позади его есть пустое мѣсто. Еслиже защищающій крѣпость пропустилъ случай взять пѣшаго, то нападающій беретъ его верховаго солдата въ плѣнъ. Всѣ солдаты какъ защищающаго крѣпость, такъ и нападающаго могутъ сразу дѣлать только одинъ шагъ.

Пѣшіе солдаты, числомъ 24, нападающіе на крѣпость, разставляются по мѣстамъ, означеннымъ кружками, внѣ крѣпости; они могутъ ходить взадъ и впередъ, только по большимъ дорогамъ, означеннымъ на шашечницѣ сплошными линіями, по линіямъ-же, означеннымъ точками, они ходить не могутъ.

Задача игры для нападающаго заключается въ томъ, чтобы всѣ мѣста внутри крѣпости занять своими солдатами; ежели хоть одинъ верховой солдатъ, защищающій крѣпость, остался внутри послѣдней, то нападающій проигралъ. Ясно, что нападающій вызываетъ верховыхъ изъ крѣпости, заставляя его брать (или поддавая ему) своихъ солдатъ.

Задача игры для защищающаго крѣпость заключается въ томъ, чтобы не пропускать случая взять въ плѣнъ пѣшаго солдата, и чтобы не выводить изъ крѣпости обоихъ солдатъ.

Нападающій выигрываетъ, когда:—1) занялъ всѣ мѣста въ крѣпости своими солдатами, или 2) если взялъ въ плѣнъ обоихъ конныхъ солдатъ зато, что защищающій не бралъ пѣшихъ, когда ему представлялась возможность.

Защищающій выигрываетъ:—1) когда хотя одинъ его верховой солдатъ удержится въ крѣпости и 2) когда у нападающаго осталось не болѣе 9 солдатъ.

Ю. С.

САША-МИЛАША.

(Настоящее и будущее).

Я — Саша-
Милаша,
Любимый сынокъ,

Умытый,
Завитый,
Мамашинъ дружокъ.

Умнѣе,
Милѣе
Всѣхъ мальчиковъ я.

Цалуетъ,
Балуетъ
Меня вся семья.

Но скука—
Наука
Частехонько злитъ!

Отъ чтенья—
Ученья
Головка болитъ.

Учитель—
Мучитель
Не цѣпитъ меня:

Терзаетъ,
Пугаетъ,
Нулями грозя.

Ну, что-же,
Вѣдь все-же
Урокъ я твержу:

Скучая,
Зѣвая,
Въ тетрадку гляжу.

Но лютый,
Надутый
Мой дядька, Илья,
Бормочетъ,
Пророчитъ,
Вотъ чѣмъ буду я...

Д.